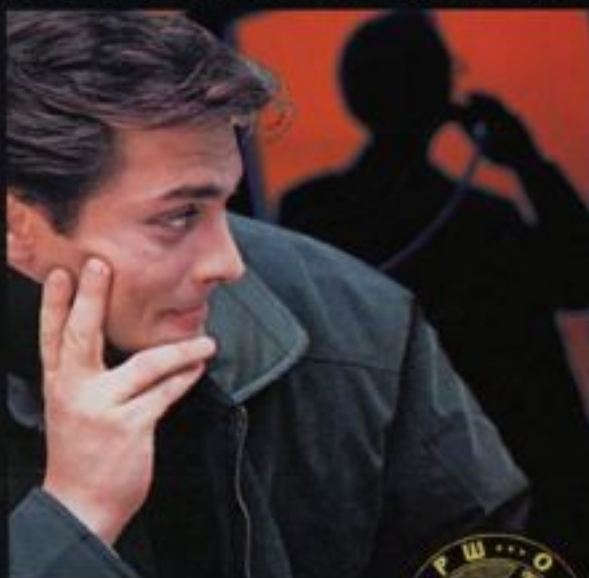

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Горький
привкус победы*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Горький привкус победы

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Горький привкус победы / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В семьях крупнейших российских нефтяных олигархов праздник: их дети, известные спортсмены мирового класса, играют свадьбу. Но на ближайшем же международном теннисном турнире молодой муж, упорно шедший к победе, неожиданно и по непонятным причинам проигрывает матч сыну собственного тренера – восходящей звезде тенниса. И более того, возвращаясь домой, молодожены гибнут в автокатастрофе. Прокуратура прекращает расследование по причине смерти самих виновников трагедии. И тогда дело поручают А.Турецкому и его команде.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1 А ПЛЮС А	11
Глава 2 «ЗОЛОТАЯ» СВАДЬБА	16
Глава 3 ТАКОВ МИР СПОРТА	22
Глава 4 НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО	28
Глава 5 СУЕТА ВОКРУГ КОРТА	34
Глава 6 СЛЕДСТВИЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фридрих Незнанский

Горький привкус победы

Пролог

В конце мая пятого года нового тысячелетия, когда стало уже совсем тепло и молодая листва деревьев освежила набережную канала Хорошевское Спрямление, в фирменный автосервис «БМВ» на соседней улице Берзаринской ураганом ворвалась длинноногая, коротко стриженная блондинка. Она по инерции промчалась до середины офиса, на секунду замерла, скрипнув натуральными каучуковыми подошвами мокасин, словно тормозами, оглянулась несколько растерянно, но быстро сориентировалась, умело скрыла замешательство за лучезарной улыбкой от уха до уха и решительно направилась к стойке мастера-приемщика.

Не замечая очереди, в которой несколько парней лениво перебрасывались специфическими автолюбительскими словечками, она плюхнулась на гостевой стул перед усатым мужчиной в униформе и закинула ногу на ногу.

– Здравствуйте, уважаемый! Мастер оторвал взгляд от монитора.

– Здравствуйте. Я могу вам помочь?

– Механик мне телефонировал, что нужен коричневый датчик...

Парни, никаким образом не отреагировавшие ни на сбой очередности, ни даже на привлекательные конечности ее нарушительницы, тут насторожились. Приемщик же, всякое повидавший на веку, оставался невозмутим.

– Коричневый? К какой машине?

– Что? – не поняла красавица.

– Машина у вас какая?

– Красная!

«Очередников» начало беззвучно корежить, будто убогих в пляске у часовни в Цаберне. Смех в полный голос им пока удавалось сдерживать.

– Надо же! Мой любимый цвет! – мастер за стойкой был по-прежнему серьезен, только в голосе его проскользнула интонация Иа-Иа. – А марку и модель не подскажете?

– Я не модель, – обиделась длинноногая, – а марок у меня нет.

– Гм... А документы на машину у вас есть?

Девушка улыбнулась еще шире, что прежде казалось невозможным, и достала из сумочки удостоверение водителя.

– Спасибо. – Мастер, косясь в техталон, пробежал пальцами по клавиатуре, бормоча: – Датчик... датчик... Ага! Сильно подозреваю, что этот может быть коричневым...

Щелкнув мышкой, отправил компьютерный запрос на склад. И через несколько минут из подсобки ему вынесли небольшую коробочку. Приемщик протянул ее клиентке. Та открыла.

– Но он же зеленый! – Ресницами хлоп-хлоп.

– Ничего не могу поделать, – развел руками продавец, – всегда были коричневые. Но вчера к нам завезли только зеленые.

– Ладно, давайте. – Красавица с датчиком развернулась к выходу.

– Извините, девушка! – крикнул мастер вдогонку. – Если вас не затруднит, может быть, вы оплатите покупку?

Мужики у стойки похрюкивали, но крепились.

– Сколько стоит зеленый?

– Тысяча шестьсот тридцать рублей...

– Нет! – возмутилась обладательница красной машины. – Я не стану платить столько за товар неправильного цвета!

Она бросила коробочку на стойку мастера и, заложив вираж, гордо порулила к стеклянной двери, бормоча на ходу:

– Механика пришлю. Пусть сам разбирается. Мастер, ухмыляясь в усы, вновь уставился в экран и бросил:

– Следующий!

Следующих не было. Клиенты валялись под прилавком, держась за животы, и стонали. Вероятно, их всех разбил приступ острого аппендицита.

Наконец возникла первая радостная физиономия:

– Мужики! Что это было?

– Собственно, это была Ариадна. – Приемщик пожал плечами. – Странно, что она здесь, а не на Рублевке.

– Галаева? – Клиент все еще похихикивал, но уже соображал. – То-то я гляжу мордашка знакомая. На фитнес приехала наверняка. Форму поддерживает на каникулах. Тут отличный спортивный комплекс «Агидель» рядом. На Живописной.

Усатый мастер молча кивнул, соглашаясь...

Время в наш век всюду летит стремительно. А в России еще вдвое быстрее.

И события, еще вчера считавшиеся значимыми, стираются, замещаются новыми, казавшимися поначалу еще более важными. Через год, вытесненные новыми яркими впечатлениями, они превратятся в смутные воспоминания. Через три о былых судьбоносных свершениях едва вспомнят лишь те, для кого они были действительно вопросом жизни и смерти. А через десять о них забудут практически все.

Тогда, за несколько лет до конца прошлого века, страна жила обычной бурной жизнью. Создавались и разорялись предприятия и компании, музыканты сочиняли бессмертные шлягеры-однодневки, спортсмены устанавливали никому не нужные и назавтра же превзойденные высшие достижения.

Вселенная бурлила по-взрослому: начинались войны и устанавливался недолгий мир, неслись ураганы, тряслась земля. Ученые делали фундаментальные открытия. Политики вали своим избирателям. Церковники молились своим богам.

Прибрав к рукам руководство Аэрофлота, не забытый, а, наоборот, тогда еще всем известный олигарх Дубовицкий приступил к приватизации его прибылей. Для этого он придумал швейцарскую финансовую компанию «Анклав», выполнявшую функции зарубежного казначейского центра крупнейшего авиаперевозчика России.

В те годы Аэрофлот был сытной кормушкой, из которой не брал только ленивый. Авиакомпания имела сотни счетов в иностранных банках, через которые многочисленные представительства Аэрофлота вели финансовую деятельность компании за рубежом.

В задачу «Анклава» входила централизация этих операций в одном финансовом центре за пределами России. Создание такой структуры за рубежом казалось разумной идеей: при эффективном управлении казначейский центр мог увеличить прибыль российской авиакомпании на миллионы долларов. Но вся финансовая деятельность «Анклава» держалась в строгом секрете. Потому что, в отличие от других подобных организаций, обслуживавших международные корпорации, казначейский центр Аэрофлота не принадлежал авиакомпании; он был собственностью Бориса Дубовицкого и его партнера по ЛогоВАЗу Николая Слышкова. Понятно, в чьи карманы потекла «прибыль Аэрофлота».

Партнеры, дай им волю, с удовольствием заглянули бы и в неисчерпаемые недра родной страны, но государство пока пыталось хранить свои запасы. Нувориши вынуждены были довольствоваться тем, что лежало на поверхности и летало над ней.

Сборная России по футболу на равных в тот год сражалась с итальянцами за выход в финал чемпионата мира. Кто мог представить, что этот результат надолго останется ориентиром для последующих поколений спортсменов?

Горьковский автозавод начал выпуск модернизированной «Волги»-«десятки», началась сборка первых «Газелей» с дизелем «Steier», было подписано соглашение с концерном «Фиат» о создании совместного предприятия «Нижегородмоторс». Кто-нибудь помнит о таком?

А в столице, в Чистом переулке, в небольшом особняке под номером четыре, коротая ночные часы, гоняли чай двое.

– Слышь, Михалыч! Как думаешь, Масуд скоро Кабул возьмет?

– Не, не возьмет, – шумно отхлебнул из кружки Михаил Михайлович Виноградов, пожилой сержант вневедомственной охраны, доставшийся в напарники Григорию.

– Почему? Асмар уже взяли. До Кабула – рукой подать. – По молодости лет Гриша Ильин мнил себя стратегом.

– Не возьмут – и все! – рассудительно отрезал будущий пенсионер. – Ты не на карту с флажками смотри, Кутузов, а подумай, кому это надо.

– Нам надо.

– Ну-ну. Нам там уже ничего не надо. Были уже. Нахлебались. А вот пиндосам-америкосам, наоборот, пока еще несильно надо. Значит, не возьмут...

Молча пожевали печенье, прихлебывая дымящимся чаем с ароматом мяты, любовно заваренным Изюмкой, как обзывал вечный сержант свою благоверную.

– Вот уйдешь, Михалыч, чем займешься? – сменил тему молодой. – Скучать наверняка станешь.

– По чему скучать-то? По тебе, что ли? На дачу съеду от этой суеты. Лес, озеро, грядки. Поработал, покурил – никому ничего не должен. И ответственности никакой. Все равно почти бесплатно тут без дела сижу, штаны просиживаю. На тебя вот гляжу. Слава богу, недолго осталось.

– А правда, Михалыч, – не унимался сержант Ильин. – Почему мы здесь вдвоем? По штату шесть охранников положено.

– Начальство-мочальство деньги экономит. Посчитай: вместо шести зарплат платит нам по полторы. Три всего. Как думаешь, куда еще три идут?

Гриша почесал затылок.

– Это-то понятно. Ну а случись что?

– Тьфу, тьфу! – на всякий случай сплюнул Виноградов. И широко улыбнулся: – Что ты буровишь? Что тут может случиться, ексель-моксель? Кому эти бумажки на хрен нужны?

Центр имени Вернадского, который охраняли вневедомственники, был создан в 1968 году. Занимался он изучением структур земной коры и верхней мантии с использованием различных источников колебаний, включая мирные ядерные взрывы и землетрясения. К моменту описываемых событий деятельность его была почти свернута из-за недостаточности финансирования. Охранялся фактически только архив, в котором находились документы о разведанных месторождениях нефти, газа, урана и запасах других полезных ископаемых на территории бывшего Советского Союза, то есть как России, так и прочих союзных республик – Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана. И на шельфе Каспийского моря новые месторождения значились.

Конечно, документы являлись секретными и очень важными для СССР в прошлом, а ныне для государства Российского. Но организовать должную охрану у самого центра не было средств, а государственные лица, обеспечивающие сохранность тайны, были больше озабочены «экономией» выделяемых денег.

Виноградов отставил пустую чашку. Несмотря на веселость, слова напарника его отчего-то встревожили. Да и шум неясный донесся из коридора. Едва слышный. Или почудилось ему?

– Спасибо, Гриня, печенье вкусное принес. Хоть на что-то сгодился. Ты пей еще, а я погуляю по объекту пока...

Он прикрыл за собой дверь вахтерской, где сержанты чаевничали, и двинулся в направлении библиотеки. Опять подозрительные посторонние звуки – даже не слышимые, а еле угадываемые – заставили его затаиться. Секунду он раздумывал: не вернуться ли за Ильиным. Вдвоем безопаснее. Но Михалыч пересилил себя, призвав на помощь здравый смысл. Ну кому что-то могло понадобиться в пыли архива? А потом стыда не оберешься – до самой пенсии будут сослуживцы подкалывать, вспоминать, как два мента на проголодавшуюся крысу в ночи охотились. Слава богу, недалеко уже до пенсии-то...

Однако штатный пистолет из кобуры сержант Виноградов вынул и крадучись стал подходить к повороту, за которым скрывалась запертая и опечатанная дверь в хранилище рукописей.

Но и эта предосторожность его не выручила. Виноградову просто не повезло: среди нескольких фигур, колдовавших у двери хранилища, одна была развернута в его сторону. Лица под маской видно не было, однако Михалыч почувствовал, как с его взглядом встретился чужой темный взгляд. Пока остолебеневший сержант поднимал непослушную руку с оружием, из конца коридора беззвучно сверкнуло. На будущего пенсионера с оглушающим грохотом обрушился потолок...

Охранник не мучился. Пуля вошла ему в глаз и навеки остановила лихорадочный бег мыслей: четверо... откуда?.., что им надо?.., надо бы подкрепление выз...

Григорий поперхнулся чаем и, откашливаясь на ходу, бросился в коридор, из которого уже доносился топот множества ног. Но тут же рыбкой нырнул обратно в вахтерскую: благодаря этому нырку ему, как голливудскому герою, удалось увернуться от стремительной пули, опередившей несущихся в его сторону преступников.

На двери помещения для охранников, оборудованного, разумеется, по принципу «экономии», не было, вопреки всем инструкциям, ни засова, ни защелкивающегося замка, а возиться с ключами было поздно. Ильин отчаянным усилием воли превозмог желание забраться под топчан и прижался спиной к простенку рядом с дверью, выхватывая штатное оружие.

Не зря: прогремели еще два выстрела, выбивших щепу и из двери, и из деревянного топчана у противоположной стены. Едко запахло порохом.

Гриня в ответ тоже пальнул через дверь. Раздался негромкий вскрик, за которым последовала громкая матерщина, и в комнатенку ввалились сразу несколько человек. Сержант еще раз выстрелил наугад, но на этот раз ни в кого не попал. Тут же грохнуло снова – Ильин почувствовал, что грудь его разломилась пополам, впуская внутрь пламя. И так и не сумевший что-либо оборонить охранник свалился под ноги нападавшим.

– Сука! – Один из налетчиков сорвал окровавленную перчатку и в сердцах швырнул ее в сторону. Вынул носовой платок и попытался перевязать ладонь. – Зацепил все-таки. Больно как...

Пнул под ребро лежавшего без движения Ильина.

Второй скрипучим голосом заметил:

– Мокруха, начальник. Плохо вышло. Роман недоволен будет.

– А мне накласть! – огрызнулся первый, прижимая раненую руку к груди, будто баюкая. – На Ромика вместе с Робиком и на прочих умников, вместе взятых... Все. Иди делай дело. Путь свободен.

Судьба смиростивилась над сержантом, он после второго тяжелого удара кованым ботинком, угодившим в висок, из пылающего ада реальности мягко переместился в прохладное недвижимое забытие.

Очнулся на госпитальной койке спустя трое суток. Шесть месяцев мыкался по больницам и санаториям. Получил инвалидность. И очень долго, почти десять лет, не мог вспомнить ни голосов преступников, ни произносимых ими слов...

...Вызвав лифт, Александр Борисович, как обычно, проверил, есть ли почта. Делал он это по-детски: привставал на цыпочки и заглядывал в прорезь ящика одним глазом, второй прищурив, отчего физиономия его становилась смешной и шкодной. Сам себя Турецкий, конечно, видеть со стороны не мог, однако поступал так, лишь когда в подъезде никого не было. Даже кошек. Он и их стеснялся.

В темноте ящика белела корреспонденция. Чертыхнувшись, мастер следственного дела достал из кармана связку ключей. А увидев девственно чистый запечатанный конверт из плотного картона, выругался солонее и крепче. Анонимные послания в последнее время стали его раздражать. Аккуратно взяв письмо за самый уголок, Турецкий спрятал его в сумочку, в этакий мужской ридикюль, в котором обычно носил с собой документы на машину. Тряхнул головой, словно пытаясь вытрясти из нее озабоченность, напялил на лицо беззаботную улыбку и поднялся в квартиру.

Предосторожность с улыбкой оказалась излишней: ни жены, ни дочери дома пока не было. Александр Борисович провел ладонью по лбу, будто маску снял, и стал самим собой – немного усталым крепким мужчиной с ироничным выражением лица.

– Ну давай, Шурик, поглядим, – обратился он сам к себе и прошел на кухню.

На століке у раковины всегда лежали тонкие резиновые перчатки, а в стаканчике у мойки стояли ножницы, которыми Ирина вскрывала пакеты с молоком для утреннего кофе.

Натягивая резину на руки, Турецкий, ухмыляясь, бормотал: «Скальпель, пинцет, спирт...»

Вооружившись ножницами, он аккуратно – по самому краю – надрезал конверт и вынул его содержимое. Им оказался патрон к пистолету ТТ, некогда весьма популярному в криминальных разборках, и сложенный вдвое клочок бумаги с корявыми печатными буквами:

«Туретский, брасай это дело. Подумай о душе. Кладбище тибя ждет».

Следователь «падумал» о душе, скомкал анонимку вместе с конвертом и бросил в мусорное ведро. Патрон машинально сунул в карман.

Он, разумеется, прекрасно знал, как должно поступать при получении анонимного материала, содержащего угрозы. Даже сам некогда принимал участие в разработке памятки для жителей столицы, которую затем распространяло УВД. Но «отправлять в правоохранительные органы полученные материалы с сопроводительным письмом» намерен не был.

Если бы с каждой анонимкой он поступал по инструкции, в правоохранительных органах скопилось бы материала на крупное уголовное дело. Еще ему бы самолично и поручили разобраться с угрозами, поступившими в адрес первого помощника генпрокурора. Нет уж, спасибо, увольте!

Тем более, внимательно оглядев полученный пакет, Турецкий был убежден, что явных улик на послании не обнаружится. Анонимщик «косил» под безграмотную уголовщину, но ни отпечатков пальцев, ни каких-либо отличительных признаков бумаги или конверта, по которым можно на преступника выйти однозначно, экспертиза не найдет. Только людей от работы отвлекать. Разве что патрон можно в криминалистическую лабораторию отдать при случае. Может, определят, на каком заводе выпущен, когда, куда отправлялась партия, где его можно было достать... Но и это не к спеху. И без особых надежд на успех.

Турецкому грозили часто. Он уж и не припомнит, когда в первый раз получил подобную анонимку от представителей криминальной среды. Где-то на заре следственной карьеры. Поначалу реагировал на них, докладывал, пытался выяснять. Расстраивался. Но с годами научился относиться спокойней. Тем более что угрозы уголовников были, как правило, не более чем «пугалки» – обычная реакция людей, которые сами боялись Турецкого как огня и стремились хотя бы таким образом компенсировать собственные страхи. До реальной угрозы жизни дохо-

дило нечасто. В последний раз, пожалуй, только «законник» Сапин был близок к цели. Спасибо Галочке Романовой – уберегла...¹

Значительно опасней были намерения совсем у других «анонимщиков». «Интеллигентные» письма и «случайные» встречи с аккуратными неприметными людьми с военной выправкой стали нормой, с тех пор как уровень дел старшего следователя Генеральной прокуратуры поднялся до бизнес-элиты и высших эшелонов власти. Кажется, впервые встретился Александр Борисович с таким «бойцом невидимого фронта», расследуя серию убийств в «Ленинке».² Или все-таки, когда вел дело крупных военных чинов, огребающих миллионы перед выводом группы войск на Родину?³

Неважно. Важнее, что причиной угроз этих «товарищей» были даже не конкретные дела Турецкого, а само присутствие его в качестве фигуры на правовом поле. И хотели бы они мешающую фигуру с этой доски убрать. И возможности у них были серьезнее, чем у самой крутой организованной преступной группировки.

Получая очередное «предупреждение», Турецкий задумывался, а не бросить ли все к чертовой матери? Сколько раз ему супруга говорила: «Шурик, ты же прирожденный педагог!» А что? Перейти на преподавательскую должность в академии, читать лекции и вспоминать забавные случаи из собственной юридической практики, веселя студентов. Спокойная работа, обеспеченная старость...

Тьфу! Александр Борисович покривился. Ладно, повоюем еще. В крайнем случае можно будет и впрямь воспользоваться спецхраной для семьи, которую не раз не то в шутку, не то всерьез предлагали Грязнов с Меркуловым. Но пока до этого дело не дошло, слава богу.

Вот и сегодняшняя анонимка не повод паниковать. Понятно, что это не урки писали. Да и не было в последнее время у старшего помощника генерального прокурора дел, где проходили бы исключительно уголовники. Все «приличные» люди в основном. Значит, и послание от «приличных».

Интересно, это очередная попытка заставить его уйти в отставку? Или связано с новым делом, которое ему Костя утром подсунул: позвонил и приказал принять в производство. И Турецкий успел даже запросить его в Мосгорпрокуратуре. Интересное, должно быть, дельце, если такая быстрая реакция последовала. И опять вроде бы «спортивное». Кажется, в последнее время он становится специалистом по спортивным делам.⁴

¹ См. роман Ф. Незнанского «Отложенное убийство».

² См. роман Ф. Незнанского «Заговор генералов».

³ См. роман Ф. Незнанского «Ошейники для волков».

⁴ О последнем «спортивном» деле см. роман Ф. Незнанского «Засекреченный свидетель».

Глава 1 А ПЛЮС А

– Арик! – Ариадна распахнула дверцу красного «БМВ».

Высокий стройный брюнет с объемистой спортивной сумкой через плечо, вышедший из двери клуба «Агидель-спорт», во весь рот улыбнулся, радостно помахал рукой невесте и направился к автомобилю.

– Здравствуй, Аричка. – Он чмокнул девушку в губы.

Забросив сумку на заднее сиденье, уселся на место пассажира рядом с Ариадной, но все-таки поинтересовался:

– Кто поведет?

– Ну, Арик! Мы же договорились. На синей – ты, на красной – я, – капризно надув губки, отвечала будущая супруга.

– Ладно, не сердись, я шучу, – улыбнулся жених. Хотя синий четырехста седьмой «Пежо» ему уже поднадоел.

«БМВ» резво рванул с места. Водить девушка любила и умела. Мужчина это ценил.

Сын известного нефтепромышленника, владельца холдинга «ТРБ-РВ» Роберта Максимовича Асафьева, один из лучших в недавнем прошлом теннисистов страны, Артур многие годы был занят спортом, и лишь около двух лет назад он впервые засветился в высшем обществе.

Тогда на вечеринке «Большого шлема» он, завидный жених, был представлен как официальный спутник известной светской львицы и «наследной принцессы» Анастасии Гончар, дочери бывшего спикера Госдумы. Журналисты поспешили объявить их звездной парой, но дело у молодых, живших абсолютно разными интересами, не заладилось.

Затем из зарубежного турнира он привез в Россию русско-американскую теннисистку Марию Шпагину и, к удивлению многих, оказывал ей недвусмысленные знаки внимания. Ибо восходящая звезда мирового тенниса была неприлично юна и находилась под недремлющим оком своего папаша, который не собирался просто так отдавать солидные доходы дочери в лапы чужого мужика. Впрочем, нефтяное наследство жениха несколько успокаивало ретивого отца, и он некоторое время благосклонно смотрел на ухаживания Артура. А тот не скупился на цветы и подарки и даже устроил однажды в честь самой красивой теннисистки мира знатный фейерверк.

Стоило, однако, Маше проиграть два турнира подряд, всем матримониальным помыслам был жестко и категорично положен конец...

– Знаешь, я еле успела, – пожаловалась жениху блондинка. – Пришлось на сервис заезжать.

– Куда? – не поверил Артур.

За тот год, что он встречался с девушкой, мужчина успел понять, что во всем, что касается любой техники, его избранница – дура дурой. Да и вообще мысли ее особой логикой не отличались, и слава богу, что она нечасто бралась рассуждать о чем-либо помимо спортивных вопросов. Зато тут она была докой. Поскольку и сама была выдающейся спортсменкой, даже более известной, чем Артур.

Асафьев в мировом рейтинге, правда, входил периодически в первую десятку, дважды выигрывал крупнейшие турниры, много раз выходил в финалы, но ему ни разу не удалось побывать в роли первой ракетки планеты. А вот его спутница становилась primой. Ариадна была экс-чемпионкой мира по художественной гимнастике, которой занималась с четырех лет.

Привел ее в секцию отец – Роман Романович, президент крупной компании «МТК». В отличие от родителя той же Шпагиной, он не стремился сделать себе имя и деньги на собствен-

ной дочери. Они и так у него были. Напротив, он хотел, чтобы дочь его, в отличие от той же Насти Гончар, не оставалась «дочкой Галаева», а сама сделалась знаменитой.

И это удалось.

Поначалу, правда, отец, видя, что девчонка постоянно приплясывает, с тех пор как научилась держаться на ногах, отвел ее в клуб танца – в самую младшую из возможных групп. Но однажды, приехав за дочкой после занятий, Галаев встретил высокую женщину в спортивном костюме, которая специально его поджидала.

– Вы папа Ариадны? Очень приятно. Меня зовут Виктория, я – тренер детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва номер один по художественной гимнастике. Хочу с вами поговорить...

Так часто бывает в спорте. Высот добиваются не те, кого специально привели к выдающимся тренерам, а те, кого тренеры сами нашли среди тысяч и тысяч претендентов. Виктория Ярмушевская, воспитавшая некогда известнейшую Ирину Ширяеву, часто ходила в танцевальные коллективы, отбирая детей с врожденной пластикой и чувством ритма, незаменимыми в ее виде спорта. Она убедила Романа Романовича разрешить Ариадне попробовать – и отец согласился, чтобы четырехлетняя девочка сама сделала свой выбор.

Та отдалась спорту самозабвенно. Ей очень понравилось, что теперь можно не только прыгать и кружиться, но и со скакалкой прыгать, и мячик катать. Нравились ежедневные тренировки; даже нудные наклоны и приседания, все эти гран плие и рон де жамб ан лэр не могли вывести девчонку из счастливого равновесия.

Поначалу отец возил ее на улицу Косыгина, а потом она и сама научилась добираться: на метро, потом на седьмом троллейбусе до городского Дворца творчества. Потом сама же стала ездить на соревнования – по стране и за рубежом. Сама стала побеждать...

Конечно, путь ее, как и любой путь наверх, был тернист. Она испытала и горечь поражений, и предательство подруг, и боль всегда таких несвоевременных травм, узнала закулисные игры, необъективность судей...

Но добилась всего, о чем может мечтать спортсмен. Поднялась до самых высоких вершин. Лишь Олимпиада ей пока не покорилась – здоровье тогда подвело, и ее не включили в состав сборной. Но надежд она до сих пор не теряла.

И пускай ей буквально на пятки наступали молодые девчонки, на ее стороне был огромный турнирный опыт. Теперь она знала все о спортивном мире.

Но и ее давно уже знал весь спортивный мир. И не только спортивный. Портреты девушки украшали обложки самых-рассамых глянцево-гламурных журналов. Дай верные поклонники узнавали на улицах и преподносили букеты.

И что с того, что, отдав самые светлые девичьи годы неутолимой страсти к гимнастике, она осталась слегка необразованной и немножечко глуповатой? Можно подумать, светская львица Гончар умнее! Да над Настиной тупостью, которую по телевизору ежедневно демонстрируют, вся Россия смеется. А Ариадне бестолковость только шарма придает.

– На сервис! – по складам повторила Галаева. – Есть такое слово. Только люди там дикие. Ничего не понимают.

– А что случилось?

– Да ничего со мной не случилось.

– Я имею в виду машину. Что-то сломалось?

– Не знаю. Просто щетки не ерзали, когда я хотела стекло омыть.

– Электродвигатель? – предположил Артур. – Или датчик дождя?

Он и сам был небольшим специалистом в автотехнике. Новые автомобили всегда покупал только в фирменных салонах, питая странную слабость к «французам», а обслуживал и ремонтировал их исключительно на сервисных станциях. Однако, как любой мужчина, считал себя знатоком.

– Вот и Миша так сказал, – согласилась Ариадна, вспоминая, что механик называл ей номер этого прибора по каталогу. – Датчик. Правда, я записать забыла. Только цвет запомнила.

– Цвет? – улыбнулся Асафьев.

– Да. Коричневый. А эти придурки на сервисе хотели мне зеленый подсунуть.

– А марку машины они не могли у тебя спросить?

– Он просил у меня марку, – кивнула невеста, – но я же не почтальон!

– Он спрашивал, как называется машина, – рассмеялся жених.

– Да? Атак, как ты, спросить не мог? Марку ему! Идиот!

– Вот уж действительно, – поддержал будущую жену развеселившийся теннисист. – Чем дело-то кончилось? Мише позвонила?

– Да! Я его вызвала, чтобы он сам разбирался. Он приехал, и сразу все решилось. Машину прямо там и отремонтировали. Но сколько времени и нервов я потеряла!

– Ничего, – отозвался Артур. – Главное, что все закончилось хорошо.

А про себя подумал: «Бедный Миша!»

– Ты совсем меня не лю-у-у-бишь, – капризно посетовала спортсменка и протянула сложенные бантиком губки для поцелуя.

– Люблю, – отпрянул жених. – На дорогу смотри, пожалуйста!

Напоминание было не лишним. Красный джип вырулил уже на встречную полосу. Так можно было и не доехать до студии, куда обрученные торопились на съемку клипа...

Идея рекламного ролика была придумана Галаевым-старшим. Впрочем, как и вся «операция» с будущей женитьбой.

В стартовый период капитализации страны Роман Галаев и Роберт Асафьев были компаньонами по бизнесу. Вместе начинали, причем весьма успешно, но потом пути предпринимателей разошлись. «Развелись» они тихо, без шума и пыли, и никогда не перебегали дорожку друг другу, что позволило им до сих пор сохранить приятельские отношения.

Отец невесты занимался информационными технологиями, масс-медиа, добычей никеля и урана.

Среди отраслей деятельности отца Артура фигурировали банковская сфера, черная металлургия, нефтедобывающая и газодобывающая промышленность.

Каждая из семей имела огромные денежные обороты. А деньги, как известно, тянутся к деньгам. Наследники этих фамильных капиталов были обречены на союз.

На самом деле Ариадна и Артур знали друг друга в детстве – и терпеть один другого не могли. Когда семьи начинающих предпринимателей выезжали на пикник, для закончившего начальную школу Артура всегда было невыносимым испытанием общество веснушчатой выпендренной первоклашки, уже снискавшей какие-то спортивные лавры на малыша-чьих соревнованиях. Что само по себе являлось серьезным раздражителем для честолюбивого пацана. А она еще носилась за ним по пятам, пританцовывая, постоянно дергая его, не давая спокойно поудить рыбу или забраться на дерево.

И позже, уже в подростковом возрасте, Артур считал, что ему крупно повезло, когда их отцы занялись бизнесом порознь и он не должен был теперь притворно радоваться успехам юной гимнастки.

Хотя не слышать о них было невозможно. И он, так же успешно поднимавшийся по ступеням спортивной иерархии, стал издалека относиться к победам Ариадны спокойнее. Даже приятно было, что он знал эту талантливую девчонку фактически с пеленок. Что они росли рядом. А когда она стала чемпионкой, Артур, тоже уже вовсю хлебнувший и сладкую отраву побед, и отрезвляющую горечь поражений, впервые в жизни порадовался за нее искренне, от всего сердца.

Но так бы и остались они на вечные времена лишь знакомыми детства, если бы не случайная встреча в концертном зале «Горбушки», куда вся молодая богема была пригла-

шена слушать грохот стремительно ворвавшейся на рок-Олимп питерской группы «Финский залив». Лидер рокеров Илья Юрченко, постаревшая звезда восьмидесятых годов прошлого века, известный еще по «Аквариуму» и «Машине времени», рычал в оглохший микрофон новый шлягер «Суки, которых мы любим». А теннисист Асафьев, недавно окончательно расставшийся с теннисисткой Шпагиной, отчаянно скучал и раздумывал, как бы сбежать незаметно от светской тусовки, которая потом не преминет подвергнуть дезертира обструкции.

Тут его тронула за рукав коротко стриженная блондинка с весело сияющими глазами.

– У меня такой же номер, – она указала глазами на круглый бейджик, прицепленный у входа Артуру на футболку. – Значит, на сегодня мы пара.

Артур молча посмотрел на нее, сдвинув брови.

– Не узнаешь? – Девушка, абсолютно не смущаясь присутствующей толпы, легко махнула ногой вперед выше, чем на прямой угол, а затем назад, прогнувшись. Прodelав этот гран батман жэтэ баланса, она сверкнула безупречной белизной зубов и стала наконец похожа на красавицу, частенько украшавшую своей всемирно известной улыбкой глянцево-обложки.

– Адка? – Артур вспомнил детское сокращение имени девушки, которое как нельзя лучше подходило тогда рыжеватому бесовскому отродью.

– Минус три десятых балла тебе, Арик, за грубую ошибку, – расхохоталась блондинка. – Но элемент ты исполнил. Это действительно я.

Они ушли с концерта вместе. И вот уже год не расставались. Но до сих пор не подозревали, что концерт был организован продюсерской фирмой, входившей в медийную компанию холдинга «МТК», а приглашение на мероприятие было им обоим прислано по прямому указанию Романа Романовича.

Правда, с рекламным роликом у них так ничего и не вышло. Ребята были хорошими спортсменами, но плохими актерами. Они привыкли жить в свое удовольствие, по собственной воле, а не подчиняться чужой. Режиссер же требовал от них быть естественными в самых идиотских ситуациях, когда гимнастка выполняла упражнения с теннисным мячиком, вместо привычного, а теннисисту приходилось играть не ракеткой, а гимнастической булавой. Корт был со всех сторон обвешан плакатами с логотипом «МТК». Все снималось на фоне горящих факелов над нефтяными скважинами. Слоган «Победа должна быть честной», сопровождавший ролик, по задумке автора идеи должен был убеждать зрителей, что в России имеются и «честные бизнесмены». Первый среди равных – он, Роман Романович Галаев, второй – Асафьев Роберт Максимович...

Не исключено, что интерес предпринимателя Галаева выходил далеко за рамки соединения двух любящих сердец. Но даже если он и лелеял мечту объединения бизнесов двух картелей под собственным чутким руководством, ни словом, ни взглядом не выдал он подобных устремлений. Да и кто может поручиться, что его будущий свояк не мечтал о том же самом? Разве что у руля будущего объединенного синдиката представлял другую кандидатуру.

Пока же отец гимнастки просто хотел видеть своим зятем сына давнего приятеля. Известного теннисиста Артура Асафьева, сына известного предпринимателя. Парень знаменит и богат. Чего еще желать для счастья любимой дочери?

В любом случае молодой известный спортсмен, а в будущем перспективный бизнесмен – хорошая партия для привыкшей жить на широкую ногу выдающейся спортсменки Ариадны Галаевой.

А то, что с клипом не удалось... Ну не заладилась работа двух юных дарований, бывает. Это фиаско нимало не испортило Галаеву настроения. Если бы в бизнесе удавался всякий проект, плюнуть нельзя было бы, не попав в миллионера. И жить было бы неинтересно. Роман Галаев отлично знал, что побеждает на самом деле тот, кто успешно осуществляет главный проект. А с главным проектом – со свадьбой, объединяющей две знатные семьи, все – тьфу, тьфу, тьфу! – было, как говорится, на мази.

Она была назначена на вторую субботу июня.

Глава 2 «ЗОЛОТАЯ» СВАДЬБА

Артур заранее предупредил будущих тестя и тещу о том, что абсолютно все заботы и расходы по организации свадьбы он возьмет на себя. При этом он не имел в виду помощь богатого отца. Находясь в элите одного из самых оплачиваемых видов спорта, он давно уже все свои финансовые траты планировал и осуществлял самостоятельно. И хотя отец всегда был готов помочь, если понадобится, такому положению вещей и он был рад. Не проявляя эмоций внешне, он любил своего сына и втайне гордился тем, что отпрыск вырос независимым и свободным человеком.

Все подступы к парадному подъезду одного из лучших концертных залов столицы с символичным названием «Москва» охраняли наряды милиции и свирепого вида молодцы в пятиконной форме с эмблемой, на которой изображался римский шлем и короткий меч, и с автоматами наперевес.

Пробраться на свадьбу можно было, лишь имея в руках персональное приглашение с монограммой «АА», собственноручно подписанное молодыми.

Ариадна и Артур Асафьевы, только что – в присутствии лишь родителей и свидетелей – расписавшиеся в специально открытом во внеурочное время загсе, подъехали по набережной к самому входу ровно в девять вечера на длинном джипе-лимузине белого цвета.

Следом за автомобилем, чуть ли не цепляясь за бампер, поскакал было в прорыв неизвестный папарацци, но неловко споткнулся, упал и тут же был посажен в милицкий «бобик».

– Как не повезло яблоку... – вспомнил древнюю рекламу лысоватый оператор Московского народного канала, не рискнувший приблизиться к двойному кольцу оцепления. – Могли и казенную камеру разбить.

– А кому повезло? – молодая тележурналистка не видела этого ролика, но вопрос задала самый что ни на есть соответствующий.

– А вот этим бугаям, – оператор, отходя от канонического текста, за неимением более достойных объектов навел камеру на пятнистых секьюрити.

– Почему, Вить?

– Да потому что они уже крупно поимели бабла. Нам и не снилось. Говорят, что Асафьев-младший за каждого сданного ментам ретивого репортера выдаст отличившимся церберам их охранного агентства «Спартак» по десять штук бакинских.

Девушка из МНК присвистнула:

– Ого! Поменять работу, что ли?

– В «Спартак» собралась? Тогда уж лучше сразу в мужской монастырь!

– Тьфу на тебя! – Журналистка демонстративно отвернулась. Ее давно уже ждал в кафе приятный молодой человек, а она тут с этим старым юмористом прохлаждается. И ведь понятно, что ничего им тут сегодня не светит. Разве что быть пойманными ретивыми «спартаковцами», стремящимися заработать. Но и без материала на студию не вернешься. Придется ждать. Или все-таки...

Счастливы с заветными приглашениями беспрепятственно проникали за стальные барьеры, окружавшие концертный зал по периметру. И по красной ковровой дорожке гости входили в райский сад.

Даже те, кто частенько бывал в «Москве», не сразу узнавали привычное место. Вестибюль из черного мрамора и гранита был задрапирован сиреневыми и золотыми полотнами с вышитым вензелем «АА», по высокому потолку вились лианы, в фойе за один день «выросли» живые деревья, на ветвях которых цвели лилии и орхидеи. «В тени» деревьев были расставлены вазы, в которых лежали золотые экзотические фрукты.

Вместо сцены и зала, где в креслах обычно восседают почти две с половиной тысячи любителей зрелищ, на огромном пространстве идеально ровного танцевального паркетного пола разместились шестьдесят столиков с яствами. Четырнадцать гигантских люстр были опущены ниже обычного и почти нависали над столешницами, бликуя в серебристой отделке стен и придавая моменту не только особую торжественность, но и некое подобие уютной домашней обстановки. Семеро мажордомов помогали приглашенным отыскать отведенные им места.

Пока гости рассаживались, на небольшой эстраде посередине зала настраивали свои инструменты парни из группы Ильи Юрченко, который с той памятной встречи в ДК Горбунова считался молодыми крестным отцом их любви и талисманом семейного счастья. Музыкальным сопровождением к действию должно было стать выступление прославленных отечественных и зарубежных артистов, начиная с неувядающего Айзека Бизона, спевшего дуэтом с сэром Полом, и заканчивая модным девичьим трио «Женьшень» и русско-американской группой «Юта-Мурман».

В роли конферансье выступил знаменитый молодой пародист Воронин, который, потупив глазки и вытянув трубочкой губы, пообещал «мочить в сортире» любого, кто на сегодняшнем торжестве будет обнаружен с грустной физиономией.

И безудержное веселье началось.

Неподалеку от эстрады на специальном подиуме, чуть особняком от остальных, стоял столик молодоженов, сервированный музейным фарфором и золотыми столовыми приборами. Когда очередной дорогой гость, взобравшийся на эстраду с драгоценным подарком, ревел в микрофон: «Горько!», Артура и Ариадне, давно уже сбросившей надоевшую фату, приходилось целоваться. Тем самым напоминая присутствующим, что они находятся все-таки на свадьбе, а не на экономическом форуме в Давосе.

Перепутать и впрямь было немудрено. Три с половиной сотни очень важных персон российского шоу-бизнеса, спортивной, финансовой и политической элиты страны, многочисленные гости из Америки и Европы, столичные власти – все имели свой интерес в том, чтобы быть в этот день рядом с юной семьей Асафьевых. Они пили, ели, танцевали и веселились, желали счастья молодым. Но, улучив момент, уединялись в кулуарах и комнатах для переговоров, стараясь не упустить шанс заключить «под шумок» очередную выгодную сделку. Свадьба свела в одно время и в одном месте многих заинтересованных друг в друге людей. И те не забудут, благодаря кому это случилось.

Родители молодых, оценив творческий подход и старания Артура, остались очень довольными правильной организацией мероприятия. И в очередной раз порадовались тому, что их замечательные дети «нашли друг друга».

В общем, погуляли на славу.

Расходиться по домам самые нестойкие из гостей начали только после трех часов ночи. Ариадна и Артур уезжали последними – в половине седьмого утра. Уставший спортсмен на руках вынес задремавшую жену к стоявшему у входа эксклюзивному ярко-желтому «Поршу» – подарку молодоженам от семьи невесты. И суперкар, рыкнув мощным мотором, унес голубков в семейное гнездышко, в только что отстроенный особняк на Рублевском шоссе по соседству с родительскими – подарок молодоженам от семьи жениха.

Эту трогательную сцену заснял на камеру мужчина средних лет, странным образом оказавшийся у концертного зала в это раннее время. Никто ему не помешал, поскольку наружное оцепление здания было снято еще в половине второго, а зайти внутрь, где сторожа были по-прежнему начеку, он даже и не пытался. Не собирался телеоператор Виктор Семикопенко улучшать финансовое положение охранников из «Спартака», но и отступать, в отличие от дневной спутницы, не хотел. А намеревался он успеть отправить эксклюзивный видеоматериал в утренний выпуск новостей на МНК. Страна должна была знать своих героев.

– А вот Бальзак утверждал, что за каждым крупным состоянием скрыто преступление!

– Давайте теперь верить писакам! Да и когда это было? Сейчас другое время!

– Бальзак не нравится? А Форду верите? Он как-то высказывался в том смысле, что готов ответить головой за каждый свой миллион, кроме первого.

– Говорю же, время другое!

– Неужели? Хотите сказать, что Ходоковский свой капитал нажил честно? Интересно, когда в Нижневартовске, Нефтеюганске и Москве каждый день громыхали выстрелы, он тут был ни при чем? Весь нефтяной капитал объединялся криминально, неужели не понимаете?

Присутствующие понимать не хотели.

Второй вечер свадебных торжеств проходил в модном ресторанчике неподалеку от Таганской площади. На этот раз Ариадна и Артур, широко не афишируя мероприятия, пригласили в гости людей не нужных и полезных, а тех, которых им самим видеть было радостно, – родных, близких друзей и добрых знакомых.

По задумке Артура в этот день, вместо участия в шумном, пышном и утомительном карнавале, можно было отдохнуть камерно, поговорить по душам, помузицировать, спеть хором, да хотя бы просто помолчать в обществе приятных людей. Ведь персонам публичным – а спортсмены высшего уровня, несомненно, таковыми являются – редко выпадает счастье держаться естественно, не боясь испортить привычный ИМИДЖ.

«Седьмой континент» подходил для подобных посиделок как нельзя лучше. Старинный трехэтажный особняк, в котором в позапрошлом веке помещался доходный дом Лаврова, приносил немалый доход и нынешним своим владельцам. Благодаря в первую очередь оригинальной идее заведения и ее мастерскому воплощению, привлекавшему множество посетителей.

На верхнем этаже особняка размещался миниотель, номера в котором сдавались только засидевшимся посетителям ресторана. На втором располагались шесть небольших залов, оформленных в цветах олимпийской символики, а в убранстве интерьеров присутствовали атрибуты каждого из шести континентов. В красном зале «Америка», например, главенствовали индейские мотивы: камин в виде вигвама с горящим очагом, луки и копья, развешанные по стенам, живописные фотографии Гранд-каньона и даже имитация высушенных скальпов, свисающих со светильников над столами. Фоном звучала музыка-кантри.

А в зеленом австралийском зале даже пахло эвкалиптом.

Коридоры между залами были царством эклектики: антикварная мебель, старинные настенные часы, клавесин, швейная машинка «Зингер», огромный белый рояль и гордость рестораторов – кровать с балдахином времен Людовика-Солнце.

Первый этаж полностью занимал большой банкетный зал, который, собственно, и был седьмым – звездным – континентом. Оформленный в стиле хай-тек под кают-компанию фотонного звездолета с бездонным космосом на обзорных экранах, зал освещался приборами, расщепляющими часть света в радужные лучи, чем создавался эффект далекого разноцветного излучения звезд.

В центре кают-компании стоял большой стол на тридцать персон, за которым и уместились молодожены, их родители, бабушка со стороны невесты, свидетели, дальние родственники, приехавшие из других городов, да самые близкие друзья, которых оба супруга помнили с детства.

Остальные знакомые – в основном ведущие российские теннисисты и гимнастки из сборной страны, а также приятели, с которыми их связало финансовое положение, с которыми они отдыхали на одних курортах, посещали культурные элитные мероприятия, совершали покупки в модных магазинах и бутиках, – занимали весь второй этаж. Причем с подачи хозяина гости располагались за столами, что называется, «по континентам». Спортсмены держались вместе, и бизнесмены тоже вместе: первые облюбовали «Европу» и «Африку», вторые тяготели к обеим «Америкам» и «Австралии».

Континенты, честно говоря, при внимательном рассмотрении оказывались частями света, но тех, кто приходил в ресторанчик повеселиться и хорошо отдохнуть, этот факт никогда особенно не волновал.

Разумеется, гостей четы Асафьевых никто не привязывал к стульям: каждому была дана свобода перемещаться из зала в зал, есть и пить то, что понравится, терзать клавиши старинного рояля, разговаривать с кем придется и улыбаться всякому встречному-поперечному. Но и в первоначальной задумке Артура была своя прелесть: что ни говори, общаться интереснее и веселее с теми, с кем есть общие темы для разговоров и споров.

Сами молодые, после того как поужинали с родственниками, поднялись на второй этаж и переходили из зала в зал, выслушивая поздравления и общаясь со всеми гостями.

Фразу о непременно криминальном объединении нефтяных капиталов чета Асафьевых услышала, переступив порог «Антарктиды», где у самой двери их встретил почетный караул из чучел пингвинов.

– Кто это? – поинтересовался новоиспеченный муж у супруги, кивая на молодого брюнета с синими глазами, в которых горел огонь заядлого спорщика. Парень чем-то был похож на самого Артура.

– А, – сказала жена нарочито небрежно, – это Паша. Одноклассник. Он смешной, но очень достойный человек из нашего круга.

Позже выяснилось, что горячий диспут начался с того, что один молодой, вполне успешный бизнесмен из присутствующих заявил: наше сегодняшнее благополучие и стабильное положение напрямую связаны с проводимыми президентом преобразованиями. Другой возразил, что далеко не все «олигархи» так уж нынешнему президенту благодарны. Кое-кто спит и видит главу государства в отставке и опале. А еще лучше – под судом. И уж совсем замечательно – за решеткой.

И чего только олигархам не приснится на тюремных нарах!..

Так что, мол, противостояние власти и капитала продолжается. И оно вовсе не такое безобидное, как может показаться на первый взгляд. Ставка в борьбе – 2008 год, когда либо нынешняя президентская гвардия останется у власти еще на восемь лет, либо элита поменяется вновь. Прорвавшиеся к трону тоже захотят проглотить кусок пирога побольше. Значит, снова грядет передел собственности. И вряд ли обойдется без выстрелов...

– Не может быть! – зашумели все.

– Может, – вступил в спор «смешной одноклассник» Павел и напомнил о Бальзаке.

Теперь же, заслышав о нефти, не смог удержаться и Артур.

– Не понимаю, – заявил он. – Не понимаю, почему вы стрижете всех под одну гребенку. В любом деле есть подонки, но есть и порядочные люди. Нефтяной бизнес – не исключение.

– Боюсь, что любой крупный бизнес является таким исключением, – оппонент не хотел уступать. – Я утверждаю, что ни в одной из современных демократических и высокоразвитых стран мира ни один из крупных капиталов не был нажит честно. Солидный капитал невозможно заработать безукоризненно честным трудом. Тот, кто сумел нажиться, – смог, и нечего об этом говорить. Лучше было бы дать этим бандитам вывести свои миллионы из тени, и пусть они работают во благо народа, обеспечивают социальные отчисления и рабочие места. Возможно, их внуки, как внуки Ротшильда, Моргана и прочих, смогут быть вполне респектабельными бизнесменами. Для этого нужно лишь время. Но первоначальный капитал всегда обривался на обмане, предательстве и очень часто на крови.

– Вы сейчас едите на честно заработанные мной деньги!

– Простите, Артур. Пользуясь случаем, я от всего сердца поздравляю вас и благодарю за приглашение. Но истина, как говаривал философ, дороже. Вы вполне обеспеченный человек и можете позволить себе есть даже из золотых тарелок, однако капиталистом вас назвать никак нельзя. А я – о капиталистах.

– На отца моего намекаете? – вскинулся Артур, понимая, что оппонент прав. – Он в начале пути успел приватизировать никому не нужный, умирающий нефтепромысел. Все о нем забыли – и государство, и даже криминал. А папа вспомнил, перевез давно никому не интересное оборудование к новому месторождению и дал людям работу. В чем его преступление?

– Ни на кого я не намекаю. И никого пока не обвиняю. Просто знаю, что в недавнем прошлом все мало-мальски прибыльные отрасли и объекты были приватизированы кучкой приближенных к верхам или удачливыми проходимцами – и отнюдь не на прозрачной конкурсной основе. Схему же наверняка представляете: либо предприятие искусственно доводилось до банкротства и затем выкупалось по остаточной стоимости, либо в кабинет к директору приходили конкретные ребята с юристом и нотариусом и делали предложение, от которого нельзя было отказываться, не рискуя жизнью.

– Паша! – Ариадна, до этого скромно стоявшая в стороне, посмотрела на спорщика строго и печально. – Минус балл! Ради памяти твоего отца, давай не будем касаться ничьих родителей...

Спорщик на секунду осекся.

– Господа, это Павел. Мы с ним со школы знакомы, – Ариадна обратилась к присутствующим. – Он всегда спорит. Не обращайтесь к нему.

Возникла неловкая заминка. И тут кто-то поинтересовался у Артура, видел ли он последний матч с участием восходящей звезды мужского российского тенниса Николая Баркова.

– Конечно, – кивнул Артур. – Я ведь в юниорах у его отца тренировался. Пока Вениамин Борисович меня не взял. И с Колей спарринговал, хотя тот еще совсем мальчишкой был. Слежу за ним. Способный парень. Но пока слишком молод – «физики» ему не хватает...

Так сам собой разговор переключился на тему спорта, хотя горьковатый осадок у всех присутствовавших при споре остался.

Спортивная тема интересовала многих, и молодые люди оказались окружены плотным кольцом любопытствующих. Подтягивались гости и с соседних «континентов». Артур чувствовал себя как рыба в воде. Он любил и умел находиться в центре внимания и не таясь делился с друзьями своими планами.

Сказал, что из-за травм прожил семь месяцев без тенниса. Сильно скучал по турнирам. И почувствовал большое желание вернуться уже после первых двух месяцев вынужденных каникул. Отдыхать, конечно, приятно, но в какой-то момент начинаешь понимать, что теннис – это твоя жизнь, и без нее никуда. Скучал не только по соревнованиям и матчам, но и по всему остальному, что этот процесс окружает, вроде торжественных обедов и трогательных подарочков от поклонниц. Сказав это, Артур бросил лукавый взгляд на супругу.

Без тенниса пришлось тяжело еще и потому, что люди начали нести про него всякую чушь. Мол, Артур Асафьев не хочет возвращаться из-за того, что у него и так есть куча денег. Или из-за того, что надоело играть. Захотелось снова доказать и себе, и всем остальным, что не надоело. «Я действительно был серьезно травмирован, но теперь восстановился и возвращаюсь в большой теннис!»

Зато Ариадна на вопросы о спорте отвечала неохотно. Говорила о другом. Бывшая чемпионка мира призналась, что мечтает стать мамой, морально к этому давно готова и теперь не намерена затягивать с прибавлением в семействе.

На самом деле бульварная газетенка «Москвичка» еще месяц назад объявила общественности о беременности Галаевой и высказала предположение о неизбежной и скорой свадьбе. Но сама Ариадна на все вопросы журналистов тогда отвечать отказалась. А от друзей таить приятный факт она не собирается.

Действительно, перед тем как официально зарегистрировать брак и отправиться в свадебное путешествие, девушка прошла обследование в одной из поликлиник Управления делами

президента, и врачи вынесли вердикт: беременность сроком в пятнадцать недель протекает благоприятно и без патологий.

В связи с этими открывшимися обстоятельствами планы молодоженов изменились, они отказались от запланированного ранее романтического путешествия по странам Юго-Восточной Азии. Медики не рекомендовали Ариадне подвергать себя эмоциональным и физическим нагрузкам. Артур с плохо скрываемым удовольствием соглашался с медиками. Ему эта неотвратимая поездка не грела душу. Он хотел остаться дома, чтобы поскорее начать тренироваться и готовиться к будущим соревнованиям.

Это радостное для большинства приглашенных сообщение стало достойным финалом действия, которое, в отличие от регламентированных старческих торжеств, и по оформлению, и по смете, и по значимости присутствовавших на нем лиц можно было с полным основанием называть «золотой» свадьбой.

Глава 3 ТАКОВ МИР СПОРТА

Прошло три месяца. Все это время молодая семейная пара старалась как можно меньше показываться на людях. И под любыми предлогами отказывалась от общения с представителями средств массовой информации.

Супруги как бы выполняли данные друг другу на свадьбе обещания. Артур ежедневно усиленно тренировался, готовился к ответственному теннисному турниру. Ариадна, которая любила путешествия, но не хотела теперь даже на дачу ехать без мужа, постоянно переносила время своего традиционного летнего отдыха.

Этот факт, несмотря на молчание СМИ, породил в обществе слухи, что причина затворничества – «интересное положение» молодой женщины.

Вскоре сплетни подтвердились официально. На одном из редких светских раутов, от которого супруги просто не имели права отказаться, молодые люди в присутствии журналистов официально объявили, что ждут ребенка. И что с помощью современного метода диагностики врач-гинеколог уже установил: у них будет мальчик. Асафьевы даже имя первенцу определили: станет называться в честь отца супруги. Так, мол, будет по справедливости: фамилия из одного семейного клана, имя – из другого.

Сообщение произвело фурор, несмотря на то что его давно ожидали. Присутствующие выражали восторг и поздравляли счастливую семью. Желали благополучного рождения малыша. Кто-то уже начал с радостью задумываться о подарке новорожденному. Кто-то – с завистью считать, наследником какого объединенного состояния является еще не родившийся миллиардер.

После того как домыслы превратились во всем доступную информацию, разговоры о «прячущихся Асафьевых» сошли на нет. Охочее до мытья косточек общество теперь муссировало другую тему: сумеет ли Артур после такого перерыва снова выступать на уровне лучших теннисистов страны. Сможет ли вернуть утраченные за время вынужденного перерыва позиции на Олимпе мирового тенниса.

Артур, естественно, был в курсе. Читал интервью соперников в спортивной прессе, слышал рассуждения теннисных комментаторов, которые высказывали сомнение в его силах. Не говоря уж о регулярных похабных статейках в бульварных листках, которые до белого каления злили мужчину и волновали его беременную супругу.

Но таков мир большого спорта. Асафьев знал о нем не понаслышке.

Поэтому он, стиснув зубы, по два раза на дню ездил в клуб «Агидель-спорт», директором которого был давний друг и старший товарищ Артура, известный в прошлом мастер тенниса Ринат Файзуллин.

Оставив большой спорт, Ринат Зуфарович вложил все заработанные им средства в спортивный бизнес. Его комплекс был одним из лучших в столице. Стараниями удачливого спортсмена-бизнесмена проект приносил немалую прибыль и постоянно расширялся. Уже существовали филиалы спортивного клуба в Петербурге и Нижнем. Заканчивалось строительство новых спортивных сооружений в родной Уфе.

В файзуллинских залах для фитнеса почитали за честь поддерживать форму самые известные дамы страны: популярные актрисы, жены политических деятелей, светские львицы без особых занятий и подруги крутейших криминальных авторитетов. Тем более после тренировок к их услугам были массажный и косметический салоны. А также великолепный комплекс «спа», который в полной мере соответствовал первоначальному значению этой аббревиатуры: «санита пер аква» – здоровье через воду. В «Агидели» этот комплекс походил скорее на небольшой аквапарк, где можно было запросто отдыхать с утра и до самого вечера.

Теннисная база «Агидели» была лучшей в стране. Три десятка кортов на любой вкус – земляных, травяных, синтетических, стенки, тренажеры для отработки подачи, самое современное оборудование...

По негласному соглашению Файзуллин два-три корта ежедневно резервировал для друга, отказывая порой очень и очень важным персонам. Артур, не желая быть обязанным, оплачивал время аренды.

Оба были довольны: Артур получал гарантированное место для тренировок без помех, Ринат благодаря известности Асафьева имел лучшую рекламу собственного заведения.

На этих великолепных кортах едва ли не поселился нынешний тренер Артура – известный специалист Вениамин Борисович Шульгин. Он ежедневно привозил с собой в «Агидель» несколько своих перспективных воспитанников, которые поочередно выступали в роли спарринг-партнеров для Асафьева. Тренер старался, чтобы Артур встречался с соперниками, имеющими разную манеру ведения игры. Несколько встреч подряд с молодыми игроками позволяли известному теннисисту восстановить былую выносливость. Подачу Артур тренировал несколько часов и довел скорость мяча до стабильной отметки в районе двухсот километров в час. До седьмого пота трудился спортсмен и в тренажерных залах.

Он не зря изнурял себя тренировками, работал, работал и работал.

Эта одержимость должна была уже в ближайшем будущем принести весомые плоды...

Летний теннисный сезон завершался в стране традиционным турниром «Метрополис оупен» из серии «Мастере», проходившем в спортивном столичном комплексе «Олимпийский».

Вторая половина сентября была великолепна. После обрушившихся на город в начале осени холодных и затяжных ливней установилась мягкая солнечная погода. То ровное осеннее тепло, которое в народе называют «бабьим летом». Когда даже в центре огромного мегаполиса приятный ветерок носит невесть откуда взявшиеся паутинки.

Московские жители, не так давно убегавшие от изнурительной жары из бетонных джунглей в зелень дачных участков, а потом прятавшиеся в многоэтажных муравейниках от проливных дождей, выбрались наконец на улицы столицы в поисках развлечений. Не все театры еще вернулись с гастролей, аттракционы и увеселительные заведения под открытым небом уже закрывались на зиму. Крупный спортивный турнир в это время приходился как нельзя кстати. Тем более теннис благодаря прежнему президенту стал пользоваться поддержкой властей, а достигнутые российскими спортсменами успехи привлекли к этому виду спорта многочисленных поклонников. Теннис стал любим и востребован в массах, уступая в популярности, пожалуй, лишь футболу.

Так что «Олимпийский» был полон.

Накануне Артур, впервые на этом турнире представший перед публикой после длительного перерыва, не без труда сломил сопротивление голландца Рамона Слюйтера. По регламенту турнира поединки на кортах проводились в три сета, первый из которых не справившийся со стартовым волнением Артур легко уступил со счетом 2:6. Вторую партию с таким же счетом выиграл уже Асафьев, а в решающем сете россиянин использовал последнюю возможность взять подачу соперника и в итоге вырвал победу – 2:6, 6:2, 7:5.

Этот упорный матч продолжался более полутора часов.

Во втором круге в соперники Артуру Асафьеву, выступавшему под десятым номером, выпал греческий спортсмен Маркое Рагдатис, который в этом сезоне уже мог похвастаться выходом в финал Открытого чемпионата Австралии. Но, вопреки ожиданиям, упорной борьбы не получилось. Встреча с Рагдатисом стала, можно сказать, полным антиподом игре с голландцем.

Артур, который очень хотел доказать всему миру, что восстановил спортивную форму и в состоянии снова выигрывать международные турниры, очень серьезно настроился на игру. И почти не прощал ошибок сопернику.

Когда теннисный матч складывается по сюжету напряженно и захватывающе, его нередко сравнивают с литературным произведением, непременно выделяя при этом завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Встреча Асафьев – Рагдатис никаких «возвышенных» параллелей не рождала. Слишком быстро в воздухе запахло развязкой...

На фоне сбалансированной в большинстве аспектов игры российского спортсмена его греческому сопернику были присущи, пожалуй, лишь две теннисные добродетели: неплохая подача и сильный крученный удар слева. Но Асафьев, подготовленный к любым неожиданностям тренировочными встречами с воспитанниками Шульгина, очень быстро ко всему этому приспособился. И под прежние возгласы трибун «Артур, мо-ло-дец!», о которых спортсмен никогда не забывал и мечтал о которых все эти месяцы вынужденного простоя, россиянин стал загонять соперника в угол.

Иногда у него это получалось образцово-показательно, в иных же геймах греку удавались вспышки сопротивления. Любопытно, что наиболее яркие вспышки пришлись на концовки обоих сетов. В первом Маркое взял наконец свою подачу, уже проигрывая 0:4, во втором – при счете 1:5. Под девизом «Умираю, но не сдаюсь!» Рагдатис из последних сил старался продлить собственную игровую агонию. А может, просто «уговаривал» соперника как можно дольше задержаться на корте. Артур на уговоры не поддался.

– После вчерашнего ажиотажа сегодня, конечно, мне игралось значительно легче, – сказал журналистам счастливый победитель после матча. – Рагдатис – неплохой и очень перспективный теннисист, но сегодня он ошибался много чаще обычного. Я же, наоборот, с начала и до конца поединка поддерживал необходимый уровень концентрации, потому что очень хотел пробиться в следующий круг.

– Вы надеетесь повторить прошлогодний успех? – поинтересовался корреспондент газеты «Спорт-экспресс».

– Нет, – спокойно ответил Артур, – об этом не может быть и речи.

И, насладившись выражением журналистских физиономий, продолжил:

– На «Метрополис-2005» я уступил будущему победителю в полуфинале. Теперь я намерен выиграть турнир.

– С кем из соперников вы предпочли бы встретиться в финале?

– С прошлогодним обидчиком, – серьезно заявил Асафьев, – но в этом году он приехать побоялся.

– А из тех, кто приехал? – продолжал, улыбнувшись шутке Артура, выпытывать корреспондент 1-го телеканала.

– С Сафиным. Или с Барковым. Хотелось бы, чтобы финал был российским. Но турнирная сетка составлена так, что этого, похоже, не случится. И Колю, увы, мне придется обыгрывать уже в следующем круге.

Юный Николай Барков, с которым судьба сводила Асафьева в матче за выход в четвертьфинал, сотворил сенсацию, оказавшись во втором круге сильнее француза Флорена Серра (7:6, 6:7, 6:2). Вчерашний юниор показал при этом солидную зрелую игру, выполнив тринадцать подач навывлет. А скорость самой сильной его подачи составила двести девять километров в час.

Но Артур Асафьев, почувствовав уверенность в собственных силах, уже никого не боялся.

На щеках Ариадны в свете только что включившихся фонарей блеснули слезинки.

– Я не пущу тебя за руль!

– Перестань, Ридка! – Артур вовсе не был расположен шутить с супругой, загораживающей округлившимся животиком дорогу к водительской дверце. – Не дури. Или ты уже поставила на мне крест?

– Дурак! – чемпионка шмыгнула носом. – Я знаю, что ты сильный. Но я знаю и каково оно – проигрывать.

Артур, которому даже сочувственное напоминание о фиаско было хуже ножа в сердце, стал еще мрачнее.

– Так. Давай ты сейчас отойдешь, я сяду, и мы поедем домой.

– Все-таки лучше я поведу, – упрямылась супруга.

– Да за кого ты меня принимаешь?! – взъярился спортсмен. – Ну просрал матч. В первый раз, что ли? Еще не совсем готов, значит. Да и спалось в эту ночь хреново. В другой раз я его под орех разделаю – возьму реванш! Но ты меня своими попреками добиваешь! Жалостью только слабее делаешь!

Артур, в первый раз за несколько месяцев семейной жизни повывисивший голос на жену, неожиданно зевнул и потер ладонью закрывающиеся глаза. Что это еще за напасть?

Поначалу ведь все складывалось в его пользу. Артур, несмотря на то что Барков, впервые участвующий во взрослом турнире такого уровня, показывал свою лучшую игру за всю карьеру, выиграл первый сет со счетом 6:1. Только первый гейм уступил он на подаче соперника. А подавал Барков действительно сильно. Но уже к третьему отрезку игры Асафьев принорвился принимать летящие как из пушки мячи, поскольку Николай действовал бесхитростно, рассчитывая исключительно на силу удара. Артур вскоре почувствовал, где и как нужно встречать этот маленький, но коварный спортивный снаряд. А дальше все было, как говорится, делом техники.

И второй сет начинался как нельзя лучше. Артуру сразу удалось взять одну из подач соперника, и к началу пятого отрезка партии он вел в счете 3:1. Но после четырех сыгранных геймов спортсмены получили небольшую передышку в связи с приведением корта в надлежащее техническое состояние, и отдых, похоже, не пошел Асафьеву на пользу. Правда, первую после перерыва свою подачу он, хотя и с большим трудом, но выиграл. Для победы в матче оставалось взять верх всего в двух геймах, но тут вдруг стала заметна потихоньку подкрадывающаяся к фавориту усталость.

Что-то будто сломалось в игре опытного теннисиста. Вроде бы он все делал также правильно, грамотно, осмысленно, как и прежде, но на какую-то долю секунды к нужному месту перестали добегать ноги. Рука не успевала поднять ракетку на считанные миллиметры. И мяч летел за пределы корта. Со стороны поначалу и заметно-то ничего не было. Просто выигрывал один спортсмен, а потом стал выигрывать другой. И Артур, проиграв подачу соперника, затем уступил и свою.

Потом и с трибун стало видно, что Асафьев стал играть явно медленнее, будто бы вышел на корт после тяжелого трудового дня. Соперник его выглядел свежее и сумел не только «вытащить» этот сет почти из безнадежного положения, но и выиграть 6:4. Счет по партиям сравнялся.

Артур обессиленно опустился в кресло и шевельнул рукой, сигнализируя, что хочет пить. Из холодильника у судейской вышки ему подали начатую в прошлый перерыв бутылочку минералки. Но и прохладный напиток не принес Асафьеву желаемой свежести. Спортсмен обвел взглядом трибуны, на которые словно опустился странный мерцающий туман. В ложе для почетных гостей смутно различил переживающую супругу, огорченно прижавшую к щекам кулачки. Но она ничем не могла помочь мужу.

Асафьев обреченно вздохнул и с трудом заставил себя подняться из кресла.

В третьем сете Артур был просто неузнаваем, он словно засыпал на корте. Публика неистовствовала и громко свистела, несмотря на неоднократные предупреждения судьи-

информатора. Но зрителей можно было понять. Их любимец не летал, как недавно, по корту, а медленно ходил, часто промахиваясь по мячу. В последнем сете он уступил Баркову с разгромным счетом 0:6. Так «золотой мальчик» Асафьев не проигрывал даже самым именитым соперникам с начала профессиональной карьеры.

– Я не жалею тебя, Арик. Я тебе сочувствую, – от крика мужа Ариадна съежилась, но по-прежнему загораживала путь к машине. – Ты же сейчас сам на себя непохож.

Супруг, которого собственная вспышка гнева немного взбодрила, осторожно, но решительно взял Ариадну за плечи и просто отставил в сторону. Так же безучастно, будто шкаф передвинул.

– Садись, поехали. Говорю же: перенервничал, почти всю ночь глаз не сомкнул. Дома отосплюсь, и все пройдет.

Ариадна открыла рот, чтобы возразить, но, взглянув на мужа, только рукой махнула. Обошла широкий желтый капот, открыла дверцу и, уже утопая в пассажирском кресле автомобиля, негромко произнесла:

– Элемент не засчитан, Асафьев. Но соревнования не закончились. Ты теперь только не гони, ради бога.

«Порш», утробно урча, отполз от стоянки, вальяжно вырулил на Щепкина, рыкнул и исчез, оставив вместо себя лишь облачко расплывающегося на ветру сизого дыма.

Ехать было неблизко, но этот привычный маршрут Артур мог бы преодолеть и с закрытыми глазами. Однако, свернув с Садового кольца на Новый Арбат, водитель с удивлением понял, что его веки действительно смежились. На мгновение. Вздвогнув, Асафьев вытаращился и часто похлопал ресницами, возвращаясь в действительность. Лихо обогнул ползущий «Мерседес», покосился на жену, которая одной рукой придерживала живот, а второй вцепилась в ручку дверцы так, что ногти побелели. Окаменев, она пристально вглядывалась в ветровое стекло. Его мгновенной слабости вроде бы не заметила.

– Боишься? – Сам обеспокоенный снова навалившейся сонливостью, Артур решил завязать разговор. – Ладно, я сброшу чуток.

Он убавил скорость до сотни с небольшим. Медленнее такая машина ездить просто отказывалась. Даже инспектора дорожной службы не поняли бы.

– Ты прости, что я грубовато с тобой. Сама понимаешь – не до сюсюканий.

Вторая половина осталась безучастной.

– Нет, правда, очень обидно. Помнишь, на свадьбе меня про Кольку спрашивали? Я тогда сказал, что физически парень слабоват. А сегодня шестнадцатилетний пацан меня именно «физикой» сделал.

– Не помню, Арик.

– Ну как же? В зале с пингвинами. Когда еще про олигархов распинался этот... твоя бывшая пассия.

– Пашка? – Ариадна рассмеялась. – Да я же тогда еще школьницей была. А он в институте...

– Ты же говорила – одноклассник, – с подозрением в голосе вспомнил муж.

– Да? Не так. Одношкольник. – Ариадна уже улыбалась, заметив, что муж ревнует ее к прошлому. – Он старше был года на три или четыре. Да какая разница?

За окном мелькали огни Кутузовского проспекта. Час пик уже прошел, пробок на дорогах не было, и это позволяло надеяться, что супруги скоро будут дома. Ариадна успокоилась: муж отвлекся от мыслей о проигрыше, не несется сломя голову, да и ехать совсем немного оставалось. Вот уже и Рублевское шоссе. Справа – Крылатское: места, знакомые с детства. Совсем скоро будет поворот на улицу Лесной поселок, где в укромном уголке Серебряноборского лесничества пряталось от посторонних глаз небольшое уютное гнездышко молодоженов.

Женщина повернула голову направо, вглядываясь в глубь Осеннего бульвара, где мерцали огни ближайшей к ним станции метро, сложила руки на животе, и ее улыбка стала еще шире.

Ей повезло. Она умерла счастливой.

Глава 4 НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО

В ворота Турецкий въезжать не стал. Он недолюбливал здание, в котором было расположено его стационарное рабочее место, предпочитая более свободную обстановку. И старался лишь только для инструктажей своей группы да прочих официальных мероприятий появляться на Большой Дмитровке. А вызов к начальству, как ни крути, был мероприятием самым что ни на есть официальным.

Припарковался он, проехав по улице чуть дальше входного портика, остановив свой «Пежо» точно под знаком «Остановка запрещена». Когда много лет назад «важняк» сделал так впервые, его пытался оштрафовать автоинспектор, но Турецкий сумел, не предъявляя документов, уболтать сержанта, что он в такой ситуации нарушил правила только наполовину. На ту половину машины, которая стояла в зоне действия знака. Разрешенная зона парковки забита машинами, встать негде, вот, мол, он и нарушает вынужденно, но, как видите, старается уменьшить нарушение единственным доступным ему способом. И предложил оплатить половину штрафа за половину квитанции. Сержант развеселился и вовсе не стал штрафовать нарушителя. Потом вся патрульная служба узнала, кто именно паркуется под этим знаком, и оберегала синего «француза» от чрезмерно ретивых эвакуаторщиков.

Пройдя мимо традиционных пикетчиков, которые, казалось, и ночевали под дверью, на которой висела эмблема со щитом и перекрещенными мечами, Турецкий почувствовал себя на работе.

– Здорово, Саня! Проходи. Садись. Спасибо, что не забываешь старика.

– Тебя при всем желании невозможно забыть, Костя, потому что ты сам все время о себе напоминаешь, – улыбнулся Александр Борисович.

– Куда же я без вас? – рассмеялось в ответ вызвавшее Турецкого начальство, заместитель генерального прокурора по следствию государственный советник юстиции первого класса Константин Дмитриевич Меркулов.

– Как сам? Как Леля? – Турецкий знал, что Костя любит внешние проявления заботы, и при встречах не забывал доставить другу удовольствие.

– Спасибо. Сам, как видишь, вот он – жив и здоров. А половина моя приболела недавно, но оклемалась уже, тьфу-тьфу! Сам-то как? Семейство в порядке?

– В норме. Чего с ним делается? – улыбнулся Турецкий. – А я недавно с курорта. Не ты ли меня на него посылал?

– Ага. Отдохнул, значит. Это хорошо.

– Отдохнул, ага, – согласился Александр Борисович. – Я, похоже, только и делаю, что отдыхаю. Скажем, Строганов за решеткой сидеть должен, а он в Госдуме заседает. И что, спрашивается, я наработал?

– Ты опять? – Меркулов нахмурился. – А Орехова с его бандой тебе мало? И Строганова достанем. Я же тебе прокурорское представление подписал? Никуда голубчик не денется.⁵

– Ладно, прости, минутная слабость. Ты меня поболтать вызвал? Или по поводу того дела, о котором вчера по телефону говорил?

– Угадал, Саня. Сыщик, одно слово, – заулыбался начальник и друг. – Ты ознакомился с ним уже?

– Запросил вчера справку в Мосгорпрокуратуре. Должны сегодня доставить нарочным. Я уже и анонимку очередную по этому поводу получил, – вспомнил Турецкий, нащупав в кармане завалившийся патрон. И подумал: «Не забыть бы закинуть на экспертизу...»

⁵ См. роман Ф. Незнанского «Засекреченный свидетель».

– Ого! Не уверен, что оно связано с этим происшествием. По крайней мере, нет видимых оснований. Сам посмотришь: на первый взгляд обычное ДТП. Собственно, я и позвал тебя, чтоб быстренько ввести в курс дела и доложить о том, отчего оно оказалось у нас. Ты с Ландыревым никогда не сталкивался?

– Нет. Фамилия мелькала где-то. А кто это?

– Следователь окружной прокуратуры. Вел это дело. Свяжешься с ним.

– Угу. Из новых?

– Не так чтобы очень. Нов громких делах не засвечен. Впрочем, какая разница?

– Действительно...

В течение десяти минут Костя поведал Турецкому следующее.

Третьего дня к нему на прием записались два известных в Москве бизнесмена. Причем, судя по всему, пробились через секретариат быстро, явно воспользовавшись имеющимися знакомствами в верхних эшелонах власти – вообще, и непосредственно в Генпрокуратуре – в частности. По крайней мере, еще две недели назад, просматривая заявки очередников на личную встречу, их фамилий он в списке не встречал.

Господа посетители оказались родителями погибших месяц назад в автокатастрофе известных спортсменов Артура и Ариадны Асафьевых...

– Да, – заметил Турецкий. – Имена громкие. До сих пор в газетах нет-нет да и проскользнет информация об их трагической гибели. А дело тривиальное...

– То-то и оно... – продолжал Константин Дмитриевич.

Выглядело так, будто Артур Асафьев то ли заснул за рулем своего авто, то ли просто отвлекся от дороги. И на какую-то долю секунды потерял контроль над управлением своей автомашиной.

На скорости более ста километров в час водитель спортивного «Порша» на незначительном повороте трассы по причине, которую теперь не узнать, не рассчитал траекторию движения автомобиля и врезался в фонарный столб. Передок болида был смят и расколот надвое. Остов повалившегося бетонного столба оказался фактически в середине салона: разбросав на сотни метров вперед мелкие детали, автомобиль всей металлической массой словно оплел в смертельном объятии встреченного друга. Сработали и ремни, и подушки безопасности, но, несмотря на это, и водитель, и его пассажирка, известная гимнастка Ариадна Галаева, недавно вышедшая замуж за Артура, от полученных повреждений скончались на месте происшествия фактически мгновенно. Их изломанные, превращенные в тряпичные куклы, тела пришлось из искореженной груды металла извлекать автогеном.

Дело о гибели молодоженов было возбуждено прокурором Центрального округа Москвы советником юстиции Анатолием Максименко. Расследование было поручено следователю окружной прокуратуры юристу второго класса Василию Ландыреву. И прокурор, и следователь Ландырев с самого начала не сомневались в том, что дело это будет неминуемо прекращено.

Так и вышло.

Допросив немногочисленных очевидцев и получив заключения назначенных по его просьбе судебно-медицинской и судебно-технической экспертиз, следователь Ландырев утвердился в собственном мнении о том, что в автокатастрофе виновен сам водитель, который грубо нарушил правила дорожного движения, значительно превысив допустимую скорость вождения. И дело прекратил «ввиду смерти обвиняемого».

А прокурор поставил свою подпись в левом углу постановления: «Утверждаю. Прокурор Центрального округа Москвы советник юстиции Максименко».

Но с таким вердиктом не были согласны безутешные родители, прорвавшиеся на прием к заместителю генпрокурора. Оба жалобщика утверждали, что в данном случае они видят не несчастный случай, а злой умысел и подстроенное убийство. И считают, что следователь и прокурор по этому делу получили взятку от неустановленных лиц, чтобы замять криминальное

дело. И следователь Ландырев, и прокурор Максименко умышленно, мол, не провели необходимых мероприятий, в том числе судебно-биологической и токсикологической экспертиз. Кроме того, они не проверяли должным образом техническое состояние останков автомобиля «Порш». Ведь не исключено, что злоумышленники подрезали тормозную систему автомобиля, для того чтобы водитель Асафьев не смог вовремя остановить свою машину. И мало ли еще какие каверзы могут устроить злоумышленники?

Константин Дмитриевич посочувствовал горю родителей и пообещал разобраться как в ситуации, так и с делом.

– Так что теперь расхлебывать эту кашу тебе, Сань, – устало завершил разговор Меркулов. – Мне нужно знать, действительно ли там нечисто. В общем, с тебя – заключение о следственной перспективе этого дела.

– Спасибо, Костя, порадовал, – ухмыльнулся Турецкий. – Хорошая все-таки работа у вас, больших шишек: чужими руками жар разгребать.

– А ты трудись усерднее и тоже большие шишки себе набьешь, – посоветовал старинный друг. – А если серьезно, то разобраться обязательно надо. Ландырева я знаю: тот еще фрукт – сам увидишь. Но в мздоимстве никогда уличен не был. Не та натура.

«Большая шишка» секунду молчала.

– Но кто знает? Может быть, ему сделали то самое предложение, от которого уже не отказываются. Так что, пилите, Шура, пилите... Все проверь, Сань. Тщательно. С Житинской свяжись – поможет. Жалобщик нынче серьезный пошел – эти господа в покое нас не оставят.

– В чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь, – кивнул Александр Борисович. – Видывали.

– Вот и хорошо, – вроде бы даже обрадовался заместитель генпрокурора тому, что подбросил другу работенку. – Ну все. Ступай. Не мешай мне работать.

К кабинету Турецкий подошел одновременно с посыльным, доставившим из Мосгорпрокуратуры справку о деле Асафьевых. Пробежав глазами документы из папки, Александр Борисович потыкал пальцем в кнопки телефона. Тычки сложились в номер заведения, откуда был доставлен пакет.

– Елена Валентиновна, здравствуйте. Турецкий. Спасибо, все в порядке. А ваше? Вот и отлично. – Турецкий помолчал, слушая собеседницу. – По службе конечно же. Как иначе? Вы мне дело о гибели Асафьевых нарочным отправляли, я ознакомился и теперь хотел бы поговорить со следователем. Да, из Центрального. Вы можете организовать? Пусть он подготовит мне все материалы по делу и перезвонит – договоримся о встрече. С вами тоже бы пересечься. Когда? Спасибо, Елена Валентиновна. Я – вечный ваш должник...

Следователь прокуратуры Центрального округа Василий Иванович Ландырев, мужичонка прохиндейского вида с чапаевскими усами, сидел перед «большой шишкой» Турецким уже спустя три часа...

Александр Борисович завел со следователем разговор по делу о гибели четы Асафьевых, но отчего-то кривыми путями. Все вокруг да около, не добираясь до сути. Возможно, мешала непонятная неприязнь, возникшая у Турецкого с первого взгляда на следователя. Помощник генпрокурора поймал вдруг себя на мысли: ему неприятен даже тот факт, что усы Ландырев отпустил, подражая знаменитому тезке. Подстраивающийся под обстоятельства человек, определил Александр Борисович. Взяткой не побрезгает. Но тогда только, когда можно проделать все шито-крыто. Сразу не раскусишь...

Потом, правда, сам себя устыдил мысленно: нельзя же судить о человеке по усам! И, уходя от околичностей, спросил наконец в лоб:

– А скажите, Василий Иванович, почему вы не произвели экспертизу автомобиля?

– Я провел. Судебно-техническую. Она, разумеется, касалась в основном оценки дорожной ситуации. А если речь о транспортном средстве, то экспертом установлено, что автомобиль

получил повреждения, приведшие к гибели водителя и пассажира в связи с сильным ударом о бетонный столб осветительного фонаря.

– А техническое состояние автомобиля до катастрофы выясняли?

– А с чего это?

– Ну вдруг тормоза у машины были неисправны?

– Сотрудники ГИБДД при осмотре места происшествия обнаружили визуальный фрагмент тормозного пути. Хотя сработала антиблокировочная система и колеса намертво не фиксировались – по асфальту они, даже вращаясь, все равно скользили, стирая резину и оставляя видимый след. Уж очень велика изначальная скорость была. Так что функционировали тормоза на этой машинке, не переживайте.

– А можно допустить, что они были загодя повреждены и поэтому сработали с запозданием?

«Прохиндей» поглядел на Александра Борисовича, будто на олигофрена.

– Допустить можно все что угодно. Но на каких основаниях?

Турецкий поморщился. Он и сам не знал на каких. Но проверить «сигнал» был обязан.

– Хорошо. Оставим пока тормоза в покое. Но вот родители погибших заявляют, что и токсикологической экспертизы проведено не было!

– Им не терпится узнать, что их погибшее чадо было подшофе?

– Это точно? Неужели экспертиза все-таки была проведена?

– Нет. Я не счел нужным, поскольку и так все ясно. А про алкоголь – это мои предположения. Но не безосновательные. Вы много вели дел, связанных с происшествиями на транспорте?

– Не очень, – честно признался помощник генпрокурора.

– Тогда поверьте моему опыту. Так разгоняются обычно те водители, у которых барьеры самосохранения сняты воздействием на мозг алкоголя или психотропных веществ. Находясь в трезвом уме, даже отпетые гонщики не рискуют входить в повороты на ста двадцати.

Турецкий верить опыту Ландырева не захотел. И зашел с другой стороны:

– А скажите, сколько у вас сейчас дел в производстве?

– Одиннадцать, не считая «висяков», – понимающе ухмыльнулся чапаевский тезка. – Месяц назад было не меньше. Дело шить будешь, гражданин начальник? Халатность?

«Гражданин начальник», листаящий принесенные собеседником материалы расследования, шулки не оценил.

– Отсутствие токсикологической экспертизы если и не преступная халатность, то промах существенный.

– Да поймите же, – взмолился Ландырев, накручивая ус на палец. – В Москве за прошлый год в ДТП погибло более тысячи ста человек. Каждый десятый из них – в нашем округе. Значит, наша прокуратура каждые три дня просто обязана завершать одно из этих дел. Иначе мы задохнемся из-за одних только транспортных происшествий. А все прочее куда? Нет никаких оснований, поверьте, чтобы именно это дело вести с особой тщательностью, отодвигая на потом остальные.

– Но имена!

– Фи! Имена. Звонит мне как-то журналистка. «Вы в курсе, – говорит она, – что Гарик Сукачев выехал на встречную полосу и у него отобрали права? Неужели Гарик Сукачев будет лишен прав?» – «Нет, не в курсе, – отвечаю. – Я не знаю, что он нарушил, но, возможно, он будет лишен прав». – «Гарик Сукачев будет лишен прав?! Да вы что?!» При всем уважении к творчеству музыканта такое отношение корреспондента мне совершенно непонятно. Хоть ты Сукачев, хоть Асафьев – закон для всех один.

«Жук еще тот, – снова отметил про себя Александр Борисович. – Напортил, а теперь прикрывается высокими принципами. Хорошо, если все же обошлось без взятки. Но как знать?»

– Ладно, давайте вернемся к существу вопроса. Вам лично ничего не показалось подозрительным или хотя бы достойным внимания в этом деле?

– Настолько, чтобы его продолжать, ничего. Хотя странности кое-какие были несомненно.

– А именно? – Турецкий рад был любым странностям.

– В нашем городе около шестисот очагов аварийности, как инспектора называют участки, на которых в течение года происходит более трех ДТП со смертельным исходом, – издали начал свой рассказ Ландырев. – Понятно, что потенциально опасны любые перекрестки дорог. И среди них, естественно, есть смертельно опасные. Но совсем другое дело – ровная трасса с прекрасным покрытием, на которой ДТП с человеческими жертвами происходят регулярно и неизбежно, сколько инспекторов ни поставь, сколько знаков ни повесь.

К примеру, «дорогой смерти» инспектора называют улицу Борисовские пруды – на ней происходит около сорока транспортных происшествий в год, причем большинство – со смертельным исходом. Гаишники даже ограничили скорость движения до сорока километров в час, но это особо не помогло.

Или на Рябиновой улице аварии также происходят с пугающей регулярностью, несмотря на близость поста ДПС. Несколько лет назад дорожники установили ограждение около молокозавода, исключив самый опасный участок, но поблизости катастрофы все равно случаются.

А самым «заколдованным» является, пожалуй, девятый километр Кутузовского проспекта, недалеко от поворота на Минскую улицу. Страшные аварии, уносящие зараза несколько жизней, возникают здесь практически из ничего. Чаще всего водители, виновные в аварии, оказываются трезвыми как стекло, но нередко не могут объяснить, что их заставило совершить неверный маневр. Уж на что гаишники люди несуетливые, но и те начали подозревать, что с этим местом что-то не так. По одним предположениям, на этом участке Кутузовского раньше были бои, а это – море крови, постоянное присутствие смерти. По другим – здесь располагалось кладбище. В общем, мистика, да и только...

Знаком вопроса исподволь начинал все больше раздражать Турецкого. Вроде бы следователь прекрасно знал то, о чем говорил. Но по существу дела – даже в ответ на прямые вопросы – не произнес пока ни слова.

– Давайте, Василий Иванович, постараемся без мистики обойтись. Что же вам показалось странным?

– Не знаю. – «Чапай» оставил наконец свой ус в покое, положил руки на колени и выпрямил спину. – Может, именно это. Человек, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, минует без проблем опаснейший участок и гибнет, как говорится, на ровном месте у самого дома. Это не дает мне покоя. Но, увы, ни в коей мере не является основанием для пересмотра этого дела.

– Я понял, спасибо. И учту ваше мнение, принимая решение. Но хотел бы все-таки разобраться сам. Оставьте, пожалуйста, все принесенные материалы мне. Вам передадут мое заключение.

Турецкий вправду не мог пока понять, что предпринять с этим не так давно закрытым делом.

С одной стороны, отсутствие токсикологической экспертизы настораживало: не выяснить, был ли алкоголь в крови у погибших в автокатастрофе, – явный промах следователя. И предстояло еще разобраться, было ли это разгильдяйством работника, злым умыслом или просто результатом неоправданной самоуверенности господина Ландырева.

А с другой – действительно, дело ничем не выделялось из ряда тысяч и тысяч таких же. И следователя, находившегося в условиях цейтнота, вполне можно было понять. При всей внутренней неприязни к Ландыреву Турецкий не мог представить его лениво спускающим

дело на тормозах. Если бы возникло хоть малейшее подозрение в умышленном преступлении, Василий Иванович стал бы рыть землю. Была у Александра Борисовича такая уверенность.

Но уже к вечеру, пролистывая свидетельские показания, Турецкий обнаружил слова судьи последнего матча Артура Асафьева. Марат Камолов заявил, что обратил внимание на то, как странно Артур Асафьев стал себя вести после последнего перерыва. Будто бы засыпал на ходу. Может, все-таки алкоголь? Хряпнул из горлышка пластиковой бутылки вместо минералки? И потянуло в сон? Но зачем? Тем более в разгар спортивного состязания...

Эта странность была сейчас единственной зацепкой. И единственным основанием для начала дополнительной следственной проверки. Конечно, этого было очень мало для каких-либо выводов. Если действительно произошло нечто подобное, то должны были быть весьма весомые причины: финансовые проблемы, семейные неурядицы, грозящая опасность. Да мало ли? И отыскать эти причины будет ой как непросто.

Тем не менее Александр Борисович решил подобную проверку инициировать. Он написал заключение по делу, вывод которого был категоричен: необходимо срочно провести дополнительное расследование, прежде чем выносить постановление о прекращении дела.

На основании этого заключения Меркулов вынес постановление об отмене ранее вынесенного постановления о прекращении дела и об осуществлении дополнительных следственных действий. А провести новое расследование было поручено, разумеется, Турецкому.

И в органах юриспруденции, чего греха таить, действует тот же незыблемый армейский принцип: любая инициатива наказуема исполнением.

Глава 5 СУЕТА ВОКРУГ КОРТА

Разве кто-нибудь из нас желает зла своим детям?

Самая захудалая нищенка нет-нет да и угостит свое сопливое чадо печатным тульским пряником. Или в порыве материнских чувств сдержится от увесистого подзатыльника, которым едва не наградила отпрыска для профилактики грядущих правонарушений.

А что уж говорить о благополучных и обеспеченных семьях?

Цветы жизни растут в них на обильно удобренной почве. Им прощаются мелкие шалости, их капризам охотно потакают. Нарисовал ребеночек палку-палку-огуречик – вот тебе, сыночек, мольберт и палитра: рисуй – художником станешь. Будем твои полотна в Эрмитаже выставлять. Промурлыкал наследник без слов популярную песенку – холл дома тут же украшает пианино: играй, Моцарт ты наш! Всемирное турне тебе обеспечено.

А уж если юный спортсмен ухитрился мячиком соседское окно выбить – радости предков нет предела: вот он – новый Бэкхем. Наследник Роналдо. Мы тебя, дорогой, в футбольную школу «Спартак» записали. Попробуй только не стань таким же, как Шевченко...

В начале июня в замусоренных кустах на берегу реки – там, где Рижский проезд упирается в Язуз неподалеку от железнодорожного моста, – сидели две подружки. Меж ними было десять лет разницы и широкая пропасть на социальной лестнице. Но два раза в неделю они встречались на поросших ракитой откосах, садились на принесенный плед, и старшая доставала из авоськи простецкие, собственноручно приготовленные пирожки. Младшая, привыкшая питаться в дорогих ресторанах, от домашнего угощения тоже не отказывалась и ела капустное лакомство с видимым удовольствием. Говорили они всегда только на одну тему, но тема эта была для женщин неисчерпаемой. Их гениальные дети.

– Слышь, Гал, – в который раз за сегодняшнюю встречу поинтересовалась старшая, – а сколько ты заплатила за Юрку?

– Говорю же, сто баксов.

– Нет, это я поняла. А по-нашему сколько?

– По курсу Центробанка – три штуки без сотни рублей.

– Три тысячи почти? – охала кулинарша. – И не жалко? Зачем это тебе? Ты же и так за каждый Юркин час на корте почти четыреста рубликов отстегиваешь.

– Ничего. Наш папик не обеднеет, – отмахивалась светская львица, – а Юрец мне потом все с процентами вернет. Пусть только на верха пробьется.

– Тренироваться надо много. – Наивности старшей не было предела.

– Рейтинг нужен. Вот, – младшая сразу зрела в корень, – а ты спрашиваешь, зачем это я плачу. Затем и плачу!..

Некоторое время обе сосредоточенно жевали, отрешенно глядя в убегающую воду...

Старшая даже будто задремала на мгновение. Она катастрофически не высыпалась. Трудилась на двух работах. Вечерами крутилась по хозяйству: приготовить, постирать, погладить. В одиночку поднимала двоих сыновей.

Первенец у нее был парнем башковитым. И второй год уже числится в студентах на дневном отделении политеха. Причем в некоммерческой группе. А второй – Ванечка – способный спортсмен, говорят. По крайней мере, в детском Теннисном центре с ним носятся, как с писаной торбой...

– Завидую я тебе, Ирка, – реплика младшей вернула подругу из приятной дремоты к суровой реальности. – У тебя все позади. Ванька твой, если не сглазят, сейчас и этот турнир выиграет. А стукнет двенадцать лет, сможет принимать участие в турнирах с шестнадцатилетними. Это уже серьезный международный уровень. А там, еще через три года, допустят к взрослым соревнованиям. Глядишь, Уимблдон. Миллионы...

Галина мечтательно прикрыла глаза, представляя, что и ее девятилетний пока Юрка когда-нибудь...

Все родители юных теннисистов поначалу обычно кажутся вполне нормальными, спокойными людьми. Они приводят своих детишек в Теннисный центр на улицу Касаткина просто позаниматься для здоровья. Но постепенно их охватывает азарт, если видят, что ребенок начинает выигрывать. Сразу возникают мысли: а вдруг ребенок – талант, сможет пробиться в звезды? И к нормальному стремлению ребенка быть первым в игре добавляется непомерно раздутое родительское тщеславие.

И вот так многие родители, как только их дети начинают играть в рейтинговых турнирах, превращаются в маньяков, теряют голову. Хорошо, что Галя Лапковская нашла мудрую подругу, уводившую ее с кортов во время турниров. Большинство же мамаш и папаш – и все из непомерной любви к чадам! – во время матчей громко дают советы ребенку, сбивают его. Потом ругают, давят на него: ты должен обязательно выигрывать! И дети начинают из-за проигрышей биться в истерику. Многие вообще ломаются. Скольких уже ребят на гонке за очками сломали.

Возникает вопрос: а ради чего так биться за эти очки – гонораров ведь дети не зарабатывают? Ответ прост: зато они поднимаются в рейтинге и получают шанс сделать профессиональную карьеру.

Казалось бы, что это тоже дело самого ребенка. Но наши любящие родители и здесь оказались, как говорится, впереди планеты всей. В известных своими теннисными традициями Соединенных Штатах Америки, к примеру, до шестнадцати лет детям вообще не разрешают играть в рейтинговых турнирах. Спрашивается, почему? Потому что детей там любят и берегут. Потому что это опасно. Развитие у ребят слишком разное. Одни уже подросли, а другие – совсем еще маленькие. Малыши боятся играть с крупными. Те подают очень мощно. Маленькие соперники просто не могут брать такие мячи – и теряются, проигрывают, нервничают, плачут.

Официально первая возрастная категория, где разыгрываются рейтинговые очки в России, – до двенадцати лет. Но родители, подобные Лапковской, умудряются и девятилетних малышей туда засовывать. Представляете нагрузку на психику детей?

Но ведь все это – исключительно от любви. Конечно же от большой любви...

– Слышь, подруга! – теперь уже Ирина отвлекла Галю от мечтаний о серебряной салатнице. – Но почему ты платишь, а я нет?

– У твоего рейтинг. А еще, я слышала, он и в основную сетку прошел по приглашению от организаторов. Ты ведь и заявочный взнос не платила?

– Не-а. – Ирина помотала головой. – Я ничего никогда за Ванюшу не плачу.

– Счастливая, – вздохнула Галина. – А у нас замкнутый круг какой-то: Юрка маленький еще, нас только-только допускать начали. Рейтинговых очков у нас совсем мало, поэтому на турниры мы не попадаем. Значит, и новых очков набрать негде. От поражений и потерь я его, конечно, заговорила. Но чтобы рейтинг повышать – таких заговоров нет. Вот и остается только покупать «уайлд кард». Мы, конечно, не пообедаем. Но ведь какая-то сука на нас наживается!..

– Да ты что?! – всплеснула руками Ванина мамаша, едва не выронив обкусанный пирожок. – Деньги же идут на поддержание кортов, организацию соревнований...

Пришла очередь удивляться Лапковской.

– Ну ты даешь, подруга. Как вообще жить-то ухитряешься? На корты, ага, держи карман! Ты в «Агидели» бывала?

– Нет.

– То-то и видно. Вот там действительно на корты. Файзуллин денег зря не берет. У него сам Асафьев тренируется.

– Асафьев и здесь тренировался. У Баркова.

– Так ушел ведь. И давно. Барков, правда, говорят, неплохой тренер. Но он как раз одна из тех сук. Из организаторов. Долю свою наверняка имеет.

Ирина нахмурилась.

– А он только-только моего Ванюху к себе забрал...

– Ну научить-то он научит... Только теперь вам надо быть начеку. Потому что ходят про тренера слухи странные. Я тебе по секрету сейчас расскажу. Только ты никому ни-ни...

Андрей Макарович Барков и вправду был очень неплохим тренером и весьма приличным организатором.

В то время как сыновья устроившихся на берегу Яузы подруг бились за рейтинговые очки, он, уйдя с кортов в свой кабинет, сочинял релиз для спортивной прессы, который задолжал из-за хлопот, связанных с подготовкой турнира.

«2 июня 2006 года в клубе „Теннисный центр“ состоялась пресс-конференция, посвященная детскому турниру первой категории Российского теннисного тура „Джуниор старз“».

Турнир проводится под эгидой Международной федерации тенниса (ITF).

Организаторы турнира ЗАО «Ульга», Федерация тенниса Центрального региона России и СК «Теннисный центр»:

Генеральный директор ЗАО «Ульга» Приветливая О. Л.

Директор турнира Рябова Е. В.

Главный судья соревнований Князева Т. И.

Секретарь турнира, представитель Федерации тенниса Центрального региона России Барков А. М.

Организаторы турнира заинтересованы в подготовке подрастающего поколения теннисистов и в том, чтобы российские спортсмены становились победителями мировых престижных чемпионатов среди сильнейших ракеток мира.

Цель соревнований – определение сильнейших в возрастной категории до 12 лет, выявление молодых талантов, дальнейшая популяризация тенниса среди молодежи и привлечение на корты новых игроков.

Турнир проходит на кортах СК «Теннисный центр» с 5 по 12 июня 2006 г.

4 июня турнир бизнесменов и спонсоров.

5 июня в 12.00 торжественное открытие турнира. В течение турнира проводится соревнование родителей с детьми «Папа, мама, я – теннисная семья».

В соревнованиях принимают участие мальчики и девочки 1994 года рождения и младше из Белоруссии, Латвии, Украины, Узбекистана, а также из городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Тулы, Твери, Сочи, Самары, Екатеринбурга, Уфы, Челябинска, Иваново, Владикавказа, Тамбова, Ижевска. Общее количество участников 64 человека...

Утомившись стучать по компьютерным клавишам, представитель Федерации тенниса, заслуженный тренер России и один из непосредственных организаторов турнира пробежал глазами текст на мониторе и устало вздохнул: за третий сорт сойдет. Ну опубликуют с опозданием в пару дней – все равно от газет толку никакого. Зато он скинул наконец висевшее на его плечах дело. И хотя очень не хотелось тренеру тратить время на формальную заметку, но это была одна из обязанностей, которую он некогда на себя добровольно взвалил.

В последнее время Барков стал острее ощущать, что устает от груза этих обязательств, растущего как снежный ком, но признаться в слабости не мог даже себе. И упрямо тащил тяжелющий воз, в который впрягся по собственному желанию.

Могло ли сложиться иначе?

Конечно...

Андрей Макарович вспомнил вдруг, что в выходные, прогуливаясь с собакой по Алешкинскому лесу, начинавшемуся сразу за его кооперативным домом на Лациса, встретил стайку подростков с рюкзаками. Молодежь, вооруженная шампурами, направлялась, вероятно, куда-

нибудь к берегу Химкинского водохранилища, чтобы, быть может впервые в жизни, собственноручно приготовить шашлык. Громыхал портативный приемник, нетерпеливо пританцовывали девицы, у мальчишек в руках были бутылки с пивом, которое они отхлебывали из голышка, задирая носы. Они казались себе такими взрослыми – эти великовозрастные дети! Им казалось, что пиво, палатка и орущий плеер как раз и являются атрибутами самостоятельности, что пикник на лоне природы – это и есть самое что ни на есть взрослое занятие. Им еще только предстояло узнать, какая она на самом деле – взрослая жизнь, насколько не похожа на веселый пикник...

Разве у самого Баркова взрослость началась с первой бутылки яблочного вина, выпитой с пацанами за углом школьного спортзала? Или, может, в общежитии Ленинградского института физкультуры на Лермонтовском проспекте? Когда высокая и костлявая сокурсница Светка-прыгунья спутала его кровать с прыжковой ямой и приземлилась куда и планировала, с точностью до миллиметра. Нет.

И даже не тогда, когда он узнал, что ушлая легкоатлетка решила рожать, а смазливый разгильдяй и бабник Андрюша должен стать образцовым отцом.

Во Дворце бракосочетаний на Английской набережной? Что вы! Кольцо на пальце – отнюдь не признак ума и рассудительности, присущей взрослым людям.

Скорее всего, он повзрослел в тот момент, когда возникла необходимость искать в столице, куда отправились молодожены сразу после выпуска, какое-то жилье для семьи с маленьким ребенком. Именно тогда он ощутил: если не справится, кому-то другому на земле станет плохо. Так в легкую и пустую до той поры телегу с его жизненной поклажей упал первый кирпич ответственности за других людей. И меньше их там никогда уже не становилось...

Он многого добился в жизни, простой теннисный тренер. Один из самых известных в стране. Многие звезды отечественного спорта начинали у него в «Теннисном центре». Но чтобы достичь определенной популярности в спортивных кругах, ему пришлось поначалу трудиться за троих. Дневать и ночевать в клубе, жертвуя общением с домашними. Так было нужно, только таким образом можно было чего-то достичь в этой профессии и в жизни. Кроме того, выяснилось, что ему самому очень нравится работа. Он умел в маленьких человечках, которых за руку вели к нему родители, разглядеть и развить те качества, которые были отпущены им природой. И его воспитанники стали одерживать свои первые победы. Он бывал порою груб и порой по-спортивному жесток, но он по-своему очень любил этих несмышленишек, пришедших в надежде чему-то научиться именно к нему.

Правда, Кольку и родившуюся тремя годами позже Наталью он с раннего детства за собой на корты тащил. Они и росли так: в зубах соска, в руке – ракетка. А вот жена вниманием, получалось, обделена и все чаще скандалит. Будто бы он был в силах что-то изменить...

В конце концов все произошло так, как и должно было произойти. Покруглевшая с годами Светлана, занятая в последнее время исключительно собственной внешностью, совершила свой очередной прыжок – уже в другую постель, к боссу футбольной команды «Динамо» Светличному. У того и денег побольше, и свободного времени тоже.

Детей Барков оставил себе. Жена не возражала. Что же, как говорится, баба с возу...

Хотя, если признаться честно, легче не стало. Все домашнее хозяйство, которое худо-бедно вела супруга, легло на мужские, но все-таки не железные плечи. Тренер жил в режиме жесточайшего цейтнота и экономии. Хватался за приработки: частные уроки, сеансы массажа. Спал по три-четыре часа в сутки, пока дети не подросли до такой степени, что сами стали в состоянии о себе позаботиться. Денег не хватало порой катастрофически. Но тренер себе отказывал во всем, а дети ни в чем не нуждались.

Однако Андрей Макарович не отчаялся и не замкнулся в себе. Он поставил перед собой цель – вывести сына и дочь в большой теннис, сделать их мировыми звездами. Такими звездами, как Сафин, Дементьева, Шарапова.

Правда, «родительская болезнь», как ни странно, не обошла стороной и опытного тренера Баркова. Он, как какая-нибудь истеричная мамаша, часто прямо на корте ругал своих детей: дрянь, да куда ты бьешь? Идиотка, раскрой глаза, не выиграешь – убью!.. Мог и откровенным матом любимых чад покрыть. А народу полный зал. И никто не знает – во вред или на пользу такое поведение родителей.

Вон, скажем, у восходящей звезды, Анастасии Павлюченковой – победительницы чемпионата Австралии среди юниоров, – отец тоже грозный. Однако она ему только благодарна за это, как сама же признается. Как и Мария Шарапова, чей отец Юрий на весь мир прославился жестким нравом. Но многие сейчас соглашались, что, вероятно, будь он другим, никогда бы из Маши такой суперзвезды не получилось.

Многое из задуманного удалось и Андрею Макаровичу Баркову с его отпрысками.

Наташка в свои тринадцать уже входит в первую полусотню рейтинга Российского теннисного тура. И, участвуя во всех возможных турнирах, стремительно прогрессирует. А Николай успел прекрасно зарекомендовать себя на многих международных юниорских состязаниях и с прошлого года получил право выступать вместе с взрослыми. Где затеряться тоже не должен. В Тольятти на финале кубка России уступил только победителю. Мальчик силен не по возрасту, а подача сделает честь и более опытному спортсмену. Хорошо бы, конечно, сразу престижный турнир выиграть. Было бы существенное подспорье семейному бюджету...

Мысли тренера сами собой вернулись к деньгам. В последнее время, после нескольких успешных стартов Николая на турнирах РТТ, финансовое положение семьи стабилизировалось. А за участие в финальной встрече Тольяттинского турнира он получил целых сто тысяч рублей – Федерация тенниса худо-бедно стимулирует способных спортсменов.

Но что такое сто тысяч рублей, когда ежемесячно приходится платить по пять сотен долларов только за ипотечный кредит, благодаря которому семья Барковых купила большую трехкомнатную квартиру в Северном Тушине. Впервые за полтора десятка лет каждый из них имеет собственную комнату, где никто никому не мешает. Машину опять же вот по случаю купил. Для Кольки, конечно, как только у того право будет самостоятельно ей управлять. Пока же сам ее пользуется. Хорошо хоть, что Паша Ивахин с деньгами не торопит...

Между прочим, спорт тоже дело далеко не всегда такое прибыльное, как полагают дилетанты. Да за одну лишь заявку на любой турнир первой категории Российского теннисного тура приходится и за Колю, и за Нату платить по девятьсот рубликов. И ведь далеко не факт, что дети выиграют оплаченные турниры, получив призовые, или хотя бы добавят очки в рейтинговую копилку. Надо быть стратегом, надо знать, где и с какими соперниками его детишкам может улыбнуться удача.

Да и не на всякий «удобный» турнир можно запросто пройти по рейтингу. Тогда приходится обращаться к организаторам турнира за особым приглашением – «свободной картой». Хорошо, что у Баркова обширные связи, иногда и на халяву можно «уайлд кард» получить. Или договориться баш на баш: в следующий раз, мол, Барков в своем турнире даст приглашение человеку от нынешнего благодетеля. Но так случается далеко не всегда: зачастую приходится и Баркову выкладывать стандартную таксу в сто долларов за право сыграть детям на турнире вне зависимости от количества имеющихся рейтинговых очков.

Теннисный инвентарь тоже недешев. Тренироваться можно и на том, что имеется в Теннисном центре. Но для участия в серьезных играх опять же и форму приличную, и снаряды покупать необходимо. В общем, куда ни кинь – всюду клин. Как тут проживешь не воруя?

Тренер скривился. Не любил он хитрить и изворачиваться. До сих пор не привык к тому, что можно с каждой выданной карты в кассу клуба вносить тысячу рублей, а остальное оставлять в собственном кармане. Вроде бы все так делают. Вроде бы проводится все через бухгалтерию по «грамотным схемам» – комар носа не подточит. Но все равно возникает неприятное ощущение какое-то. Будто к свежему ветерку примешался запах навоза с полей. Впрочем,

ненадолго. Ровно до того момента, как выясняется, что нужно срочно сделать какой-либо очередной неотложный платеж, а деньги – вот они: под рукой. И уже ничем не пахнут...

Господи, как бы сделать так, чтобы Колька поскорее стал получать серьезные гонорары? Наталья-то добьется непременно, но надо потерпеть еще пару лет. А Николай ведь может и сейчас. Уже в этом году, уже этой осенью... «Метрополис оупен» на носу...

Это уже не «Джуниор старз», к счастью. Тут призовой фонд в три с половиной миллиона долларов! Даже если Николай хотя бы в полуфинал пробьется, со всеми долгами сразу можно будет расплатиться.

Но это, однако, и не «Джуниор старз», к сожалению. И проводиться он будет на кортах Теннисного центра, разумеется. Этого-то больше всего и жаль. Тогда бы тренер точно знал, что делать. Не впервой...

От сладких мечтаний Баркова отвлек телефонный звонок.

– Да. Да. Конечно, готово, – покивал невидимому собеседнику секретарь турнира. – Как и обещал. Отправить факсом? Когда заедет, минут через тридцать пять – сорок? Хорошо, я дождусь.

Положив трубку, Андрей Макарович поразмыслил секунду и снова придвинул к себе клавиатуру. Больше число печатных знаков гарантировало увеличение гонорара.

«...В кубок Российского теннисного тура (РТТ) включены 10 турниров, которые в течение года проводятся в различных городах России, – это международные турниры и турниры 2-й и 3-й категорий.

Участники нынешних соревнований получают рейтинговые очки РТТ и, кроме того, зарабатывают кубковые очки. В финал кубка РТТ, который будет проводиться в октябре в Тольятти, попадут 16 участников, набравших наибольшее количество очков.

На турнир в Москву приехали сильнейшие и перспективные юные спортсмены. Они совершенно не по-детски, а как настоящие взрослые спортсмены бьются зато, чтобы попасть в финал...»

Глава 6 СЛЕДСТВИЯ

«...Встречался с Вадимом. Его стукач – бомж Никита – наконец-то втерся в доверие к Старику.

На днях основательно его напоил и вызвал на разговор о старых «подвигах». Все сходится. Старик, вроде бы отошедший от дел, рассказал, что Центр брали вчетвером: он, Косой, Толстый и их кум.

Милиционера, по его словам, убил кум.

Вчетвером же убивали отца и искали бумаги. Пытали Косой и Толстый. Старик называет их братками. Уточнить, что имеется в виду – их принадлежность к криминальному миру или они действительно братья?

Необходимо снова связаться с Черешевым, он должен знать эти погоняла. Значит, весьма вероятно, узнаем и кума. Очень может быть, что Вадим прав и это, как предполагали его сослуживцы, бывший полковник С.

Кроме того, Старик назвал заказчиков. Не впрямую: сказал, просили очень богатые люди. Знал их по именам, называемым С, – Ромики Робик. Один точно Роман. Второй, вероятно, Роберт. Нефтяные нувориши вычисляются однозначно. Старик может быть таким необходимым свидетелем.

Нужно, чтобы Вадим еще разок заслал своего бомжа к Старику. Нужны фамилии. Вдруг все-таки вспомнит. Или какие-нибудь детали, позволяющие утверждать о преступлениях Г. и А. наверняка.

Ну и уточнит связь С. со Стариком и братками – это на мне. В понедельник поеду в прокуратуру к Ч.

Заезжал Паша – помянуть дедушку. Я ввел его в курс последних событий. Он поражен, но держится. Показал ему сейф и назвал шифр. В случае чего он будет иметь доступ к материалам и продолжит дело».

Академик закрыл толстую тетрадь с обложкой, еще старинной, коленкоровой, разлинованную под геолого-разведочный дневник, невесть откуда взявшуюся под рукой в тот самый момент, когда после рассказа Афанасьева он дал себе клятву разыскать и наказать убийц отца. С тех пор тетрадка распухла от записей. Все, что могло пролить свет на преступление, которое органы давно отложили в долгий ящик, приостановив дело «ввиду нерозыска обвиняемых» (для Шарова подобная ситуация представлялась оксюмороном. Розыск прекратили ввиду нерозыска. Они бы еще жрать перестали ввиду отсутствия колбасы в холодильнике!), аккуратно заносилось в «следственный дневник».

Нет, Шаров не был академиком сыскных наук. Он даже не был частным детективом.

Василий Павлович был заведующим кафедрой во всемирно известном Губкинском институте, который нынче именовался Университетом нефти и газа.

В официальных документах одно лишь перечисление его регалий занимало полторы страницы.

Доктор технических наук, профессор, академик Международной академии информатизации и почетный академик Российской академии естественных наук.

Председатель специализированного Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора технических наук по специальности «Строительство и эксплуатация нефтегазопроводов, баз и хранилищ», член секции «Диагностика оборудования объектов газовой промышленности» НТС ОАО «ГАЗПРОМ», член президиума учебно-методического объединения нефтегазовых вузов страны, член Ученого совета университета, член оргкомитета международного тематического семинара «Диагностика оборудования и трубопроводов», член редколлегии журнала «Нефть и газ. Известия высших учебных заведений».

Автор трех изобретений; около двухсот научных трудов (часть работ опубликована в Англии, Франции и Болгарии); автор семи монографий и пяти учебников, посвященных вопросам энергетики транспорта природных газов, термодинамики и теплопередачи в технологических процессах нефтяной и газовой промышленности.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды лауреат премии имени академика И. М. Губкина, лауреат международной премии имени академика Э. В. Евреинова, отличник нефтяной промышленности, почетный работник газовой промышленности, ветеран газовой промышленности, почетный работник высшего образования, награжден орденом Дружбы, тремя медалями, знаком Минвуза «За отличные успехи в работе», двумя золотыми и одной серебряной медалями ВДНХ СССР.

И прочая, прочая, прочая...

Впечатляет, не правда ли? Или вам кажется, что один человек не может обладать всеми этими титулами? Поверьте, может.

Но все эти научные степени и звания свидетельствовали только об одном: голова на плечах у академика была не только для ношения шляпы. Этой головой он думал, и думал весьма неплохо. В последние годы зачастую этот мощный мыслительный процесс был направлен на раскрытие преступления девятилетней давности. И дело, похоже, двигалось к концу...

Василий Павлович похлопал ладонью по обложке тетради, встал из-за стола, подошел к длинным книжным полкам, вмонтированным намертво в бетонную стену, и аккуратно снял несколько толстых пыльных книг. Затем нагнулся к торшеру на журнальном столике и особым образом повернул абажур. После этого легко вынул полку из стены, открывая доступ к небольшой дверце сейфа. Вставил ключ и набрал код.

Когда-то за этой дверцей хранились документы, которые отец, несмотря на пытки, так и не выдал преступникам. Да только его жертва, похоже, оказалась напрасной, судя по тому положению, которое бывшие «комсомольцы» теперь занимают. Ну ничего. Найдется и на старуху прорука...

Положив дневник с ходом личного следствия в пустующий ныне металлический ящик, Шаров закрыл дверцу, задвинул полку и поставил на место книги, ухитрившись даже не стряхнуть с них пыль. Вернул на место абажур торшера. Все теперь выглядело так, будто книжки на полке не трогались годами. Человек несведущий не мог бы даже предположить, что в стене за фолиантами прячется тайник.

Академик отдернул штору и прислонился лбом к прохладному стеклу. Внизу сверкала огнями ночная Москва. На пороге зимы темнело рано, но на Новом Арбате было светло как днем. Рестораны и казино манили прохожих яркой жизнью. И те бабочками летели на огонь...

Василий Павлович помнил этот район совершенно другим.

До середины шестидесятых годов прошлого столетия Арбат в бурно разраставшейся столице являлся островком, где по ряду причин с тридцатых годов XX века практически не велось новое строительство и даже обычный ремонт производился весьма скупо. Именно поэтому здесь долго сохранялись в первозданном виде классические особняки и городские усадьбы, выстроенные еще после московского пожара 1812 года. В одном из таких особняков жила семья академика Шарова-старшего. Заслуженный геолог СССР, открывший множество месторождений нефти и газа в Сибири и Средней Азии, обладатель перечня регалий, вдвое превышающий нынешний сыновний список, жил весьма скромно, занимая флигель дома Виельгорского на Собачьей площадке. А у знаменитого фонтана юный Вася вместе с соседскими пацанами игрался в «чижика» и учился курить, набивая в свернутые из газеты папироски сушеные листья смородины, растущей во дворах.

Понесла, однако же, в то время нелегкая нашего «генерального» на Кубу, где он впервые увидел небоскребы американской постройки. Был поражен и раздосадован тем, что в строительстве мы отстаем. А вернувшись, повелел, как обычно, догнать и перегнать. Придворные

архитекторы ретиво склонились над картой образцового коммунистического города. И от Кутафьей башни до набережной Москвы-реки через дворики Арбата протянулась ровная линия высоток министерств и ведомств, символизировавших величие новой советской бюрократии. А историческое наследие разве было когда-нибудь помехой для капризов власть имущих? Вот и дом пушкинского друга, у которого поэт останавливался во время визитов в Москву, оказался лишним...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.